

АЛАН ФРИДМАН

БЕРЛУСКОНИ

CoRpus

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА,
НА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
ЗАВЛАДЕВШЕГО ИТАЛИЕЙ

Алан Фридман

**Берлускони. История
человека, на двадцать лет
завладевшего Италией**

«Corpus (ACT)»

2015

УДК 323(092)(450)
ББК 66.3(4Ита)-8

Фридман А.

Берлускони. История человека, на двадцать лет
завладевшего Италией / А. Фридман — «Corpus (АСТ)»,
2015

Алан Фридман рассказывает историю жизни миллиардера, магната, политика, который двадцать лет практически руководил Италией. Собирая материал для биографии Берлускони, Фридман полтора года тесно общался со своим героем, сделал серию видеоподкастов. О чем-то Берлускони умалчивает, что-то пытается представить в более выгодном для себя свете, однако факты часто говорят сами за себя. Начиная певцом на круизных лайнерах, стал риелтором, потом медиамагнатом, а затем человеком, двадцать лет определявшим политику Италии. В книге описываются и сложные отношения с Меркель и Саркози, и дружба с Каддафи и Путиным, и приятельские отношения с Бушем-младшим и Блэром. Рискованные сделки, обвинения в коррупции и в сексуальных связях с несовершеннолетними, расследования и суды – об всем этом можно прочитать в книге “Берлускони. История человека, на двадцать лет завоевавшего Италию”.

УДК 323(092)(450)
ББК 66.3(4Ита)-8

© Фридман А., 2015
© Corpus (АСТ), 2015

Содержание

От автора	6
Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	35
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алан Фридман
Берлускони. История человека, на
двадцать лет завладевшего Италией

Published by arrangement with Rizzoli Libri S.p.A., Milan

© Challian Inc, 2015

© Т. Азаркович, перевод на русский язык (гл. 10–13), 2016

© О. Тихомирова, перевод на русский язык (гл. 1–9), 2016

© AFP/East News, фотография на обложке

© А.Бондаренко, художественное оформление, макет 2016

© ООО “Издательство АСТ”, 2016

Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается Габриэлле

От автора

Я американский журналист, рос в 1970-е годы, и меня всегда восхищали интервью Фроста с президентом Никсоном. Британский журналист Дэвид Фрост провел эту знаменитую серию телевизионных интервью с Ричардом Никсоном весной 1977 года, года через два с половиной после скандальной отставки президента.

Я, тогда еще подросток, был одержим Уотергейтским скандалом, как современные дети одержимы видеоиграми и сетью *Facebook*. Драма. Интрига. Записи из Белого дома. Замалчивание. Сенсационные статьи в *The Washington Post* от журналистов Боба Вудворда и Карла Бернштейна. Публичное унижение президента Соединенных Штатов Америки! Известное заявление Никсона: «Люди должны знать, является ли их президент мошенником. Что ж, я не мошенник».

Мне было мало. Я не мог дождаться очередного эпизода Уотергейтской саги. Как с конфетами – невозможно насытиться.

Летом 1974 года мы с семьей отдыхали в нашем летнем домике на озере к северу от Нью-Йорка. Я уговорил свою 13-летнюю сестру следить за развитием Уотергейта вместе со мной, и мы каждый день смотрели телетрансляции слушаний об импичменте, в результате которых в августе 1974 года президент Никсон ушел в отставку. Мы видели, как он снимал с себя полномочия и прощался с бывшими коллегами из Белого дома. Затем он в последний раз взмахнул рукой, изобразив указательным и средним пальцами букву V, символ победы, и сел в вертолет, который доставил его из Белого дома на авиабазу ВВС США «Эндрюс», откуда покрытый позором Никсон полетел в Калифорнию.

Все эти воспоминания нахлынули на меня в начале 2014 года, когда мой миланский издатель из *Rizzoli* впервые предложил мне попробовать связаться с Сильвио Берлускони, самым ярким и неоднозначным политиком в современной итальянской истории. Я должен был уговорить его рассказать историю своей жизни. Впервые я услышал о Берлускони лет тридцать назад, в 1980-х, когда работал иностранным корреспондентом лондонской газеты *The Financial Times* в Милане. Время от времени я беспощадно критиковал Берлускони, а затем очень заинтересовался его жизнью. Дело было не только в коррупционных скандалах и вечеринках «бунга-бунга», которые он якобы устраивал. У него была удивительная, потрясающая жизнь. Я внимательно следил за его судьбой. Я наблюдал за его политическим провалом 2011 года, за тем, как в 2013 году он был осужден за налоговое мошенничество Верховным судом Италии, а позднее – изгнан из сената. Несмотря на эти события Берлускони остался очень влиятельным в Италии человеком, и мой интерес к нему не угас.

Когда ехал поговорить с Берлускони о его биографии, я не очень верил в успех. Наша беседа состоялась 12 марта 2014 года, около полудня, в его богато обставленной римской резиденции, которая располагалась на третьем этаже особняка XVII века. Великолепные фрески на потолках, на стенах гобелены. На тот момент Берлускони было семьдесят семь лет. Мне показалось, что я ему понравился. Во-первых, я американец (а следовательно, не так предвзят, как итальянские журналисты). Во-вторых, у него сложилось впечатление, что я защищал его в другой своей книге об итальянской политике, хотя такой цели у меня не было.

Я рассказал Берлускони, что собираюсь написать книгу о его жизни и надеюсь на его помощь, а также на неограниченный доступ к его архивам. Также я попросил контакты членов его семьи, его друзей, деловых партнеров и политических союзников. Сперва он очень долго смотрел мне в глаза, а затем сказал, что за последние 10 лет отверг по крайней мере пятнадцать подобных предложений. Я рассказал ему, что хочу не только написать книгу, но и снять 10–15 телеинтервью, по образцу знаменитых интервью Фроста – Никсона 1977 года. Он что-то сказал о том, что все в нашем мире должно быть мультимедийным. Затем внезапно

протянул мне руку: “Я верю, что вы расскажете мою историю правдиво и беспристрастно”. Поблагодарив его за доверие, я заявил напрямую: “Я не планирую писать жития святых. Я не буду изображать вас жертвой или праведником, не буду вас критиковать или превозносить. Я постараюсь быть справедливым и рассудительным и опишу вашу необыкновенную жизнь так, как сам ее вижу. Однако вы должны будете ответить на мои вопросы о каждой главе своей жизни, и все интервью будут записаны на видео”.

Сильвио Берлускони согласился на мои условия. В тот же день один из его помощников предположил причину, по которой Берлускони согласился: “Его мир рушится, он мечтает вновь вернуться в политику. Книгу он считает своим наследием, а вас – очевидцем своей жизни. Вы первый и последний журналист, которому он сам расскажет свою историю”.

Следующие 17 месяцев я близко общался с Берлускони, в основном у него дома. Я встречался с ним много раз и записал серию интервью в промежутке между беспокойной весной 2014 года и летом 2015 года. Для Берлускони это было тяжелое время, полное неприятных переживаний, неудач и проигрышей, при этом он постоянно планировал, как вернуться в политику. В некотором смысле я смотрел реалити-шоу, настоящую психологическую драму. Мне повезло, мне многое было позволено, и я смог по-настоящему хорошо узнать Берлускони, увидеть, каковы его характер, образ мышления, больные места и даже любимые анекдоты и шутки.

Иногда мы встречались в его римской резиденции, иногда – в садах его шикарной виллы в Аркоре под Миланом. На протяжении некоторого времени каждое наше интервью проходило на фоне какого-либо печального события. Порой он сильно волновался, поскольку готовился к очередному судебному заседанию по одному из многочисленных уголовных дел, заведенных против него. Часто после интервью он просил меня о личной беседе и изливал мне душу, рассказывая о своих врагах или о своих опасениях, надеждах и амбициях.

Я никогда не скрывал от Берлускони, что ориентируюсь на интервью Фроста с Никсоном. Я многократно это озвучивал. Я повторил это, когда он подписывал разрешения на публикацию этой книги и выпуск документального фильма и серий видеointerview. При этом присутствовало три свидетеля, включая девушку Берлускони Франческу Паскале и его пресс-секретаря Дебору Бергамини.

Когда Берлускони подписал все необходимые официальные бумаги и разрешения на публикацию, я почему-то вспомнил самые известные слова президента Никсона, сказанные Дэвиду Фросту: “Я сам погубил себя. Я дал им меч, они вонзили его в меня и с удовольствием провернули...”

Интересно, как сам Сильвио Берлускони описал бы свою роль в грандиозном и невероятном путешествии. После нескольких месяцев тесного общения с Берлускони я знал, что его ответ меня бы не разочаровал.

*Лукка, Тоскана
26 августа 2015 года*

Пролог

Конец июля, в Москве стоит жара. Красная площадь оккупирована армией туристов, среди гостей столицы много китайцев и японцев, которые делают селфи на фоне храма Василия Блаженного.

Утром в Москве дул штормовой ветер, небо было затянуто черными тучами, но к обеду погода наладилась, и теперь величественные стены Кремля купаются в тусклых солнечных лучах. Однако продолжает дуть сильный западный ветер, и во второй половине дня синоптики обещают ливень. Всем известно, погода в Москве переменчива.

Сотрудники Администрации президента Путина ожидают меня в Спасской башне, а чтобы попасть туда, необходимо пересечь огромную Красную площадь. У восточной стены Кремля расположен Мавзолей с телом Ленина, большое сооружение из черного мрамора, где покоится первый вождь большевиков. Мавзолей выглядит несколько заброшенным, как будто время его давно ушло.

Высоко на Спасской башне установлены часы – кремлевские куранты. Они показывают 16 часов 20 минут. Воздух неподвижен, и от этого немного не по себе. От башни видна большая часть Красной площади, и кажется, что все туристы движутся очень медленно.

На вершине башни сияет красная звезда из рубинового стекла – главный символ советской власти. Огромная крепость, именуемая Кремлем, окружена стенами длиной 2235 метров. И повсюду, вокруг всего Кремля, туристы.

Главные ворота Спасской башни охраняются двумя солдатами почетного караула с винтовками с примкнутым штыком в положении “на плечо”. Видно, что им тяжело стоять – слишком жарко и влажно. Из башни выходит довольно молодая женщина, которая работает на пресс-секретаря президента, знакомится со мной. Мы перебрасываемся общими фразами, затем к нам присоединяются переводчики и гример. Мы входим в недоступную туристам часть Кремля и вдруг погружаемся в странную и всеобъемлющую тишину.

Сотрудники администрации президента молча идут впереди. Повсюду охранники с серьезными лицами. От них буквально веет секретностью и преданностью, что часто бывает с людьми их профессии. Мы идем по внутреннему двору Кремля, проходим мимо длинного здания и оказываемся у больших черных ворот – это вход в президентскую администрацию. Мы собираемся войти в главное в России здание. Из этого дворца, расположенного внутри несколько мрачной и зловещей крепости, страной управляли Ленин и Сталин.

Мы пересекаем двор Сенатского дворца, который был построен в XVIII веке по приказу Екатерины Великой. Это желтое с белым здание в стиле классицизма. После Октябрьской революции 1917 года здесь заседало первое советское правительство. Дворец буквально пропитан историей, в воздухе как будто чувствуется тяжесть веков.

Мы входим в здание через боковую дверь, дверь № 7, которая настолько мала, что с улицы ее практически не видно. В крошечной темной комнатке наши сумки проверяют металлодетектором. Через пять минут мы уже идем по белому длинному и узкому коридору с высокими потолками, который чем-то напоминает бункер, только красиво оформленный. Он давит на психику. Здесь царит атмосфера холодной войны. По крайней мере, когда смотришь боевики о том времени, ожидаешь чего-то подобного. Легко представляешь себе, как в этом коридоре что-то тихо шепчет шпион Джордж Смайли из романов Ле Карре или как тебе хитро подмигивает Джеймс Бонд, словно в фильме “Из России с любовью”. Реальность правдивее вымысла, своей некачественной копии. Мы сейчас в Кремле, и все вокруг до ужаса настоящее.

Все по-прежнему молчат. Мы садимся в лифт, через стеклянную стену которого виден пустынный внутренний двор. Лифт останавливается на третьем этаже. Прибыли. Мы нахо-

димся в самом сердце Кремля, в святая святых путинской России, в штаб-квартире российской власти, на третьем этаже Сенатского дворца Кремля.

В этой части дворца можно увидеть самые роскошные интерьеры Кремля – великолепные парадные залы, оформленные в стиле классицизма. Все отполировано до блеска. На белоснежных стенах висят исторические изображения Кремля и Красной площади. Направо уходит анфилада залов – одна из-за другой выглядывают белые двери с позолоченным декором. Каждый элемент интерьера продуман и идеально выполнен, вплоть до позолоченных резных дверных ручек. В общую картину не вписываются лишь бежевые советские телефоны – они выглядят анахронизмом.

Наша встреча с Владимиром Путиным должна состояться в Каминном зале, который расположен в северо-восточной части дворца. Обычным людям доступ сюда закрыт. В этом крыле находится рабочий кабинет Владимира Путина. Именно здесь он принимает решения, которые определяют судьбу целой страны и геополитику половины нашей планеты.

Всего четыре зала отделяют Каминный зал от кабинета Путина, попасть в который могут лишь единицы. В этом меня заверяет сотрудник его администрации. В 1940-е годы в этих же комнатах работал Иосиф Сталин. Изменился только дизайн: на смену строгому советскому стилю пришли позолота и лепнина, популярные в европейском классицизме.

К кабинету президента примыкает большой и элегантно оформленный зал. Он имеет форму вытянутого овала, поскольку над ним расположен купол Сенатского дворца. Изысканный паркетный пол выполнен в стиле XVIII века: из светлых и темных пород дерева набраны геометрические фигуры и цветочные орнаменты. В центре зала висит великолепная хрустальная люстра, а лепнина на потолке напоминает о Версале. Окна украшены роскошными шторами в барочном стиле, а стены покрыты шикарными гобеленами. Всего в нескольких метрах от нас Владимир Путин проводит встречу с кабинетом министров, на которой также присутствует премьер-министр России Дмитрий Медведев.

Кабинет Путина находится за большой двустворчатой белой дверью с золотыми элементами по краям панелей. К кабинету прилегает зал для аудиенций, где президент России принимает зарубежных лидеров и их помощников. Соседний зал дворца знаком многим телезрителям, поскольку в нем обычно снимают встречи Владимира Путина с мировыми лидерами. Стены этого зала украшены красными гобеленами, на которых повторяется изображение двуглавого орла, государственного символа России. В разное время двуглавый орел появлялся на гербах византийских императоров, династий Габсбургов и Романовых, а сейчас красуется на гербе России. Мы проходим в светло-голубой зал с большим белым столом, напоминающий приемную. Здесь за чашкой чая мы долго общаемся с сотрудниками администрации президента. Главная тема беседы – перспективы Хиллари Клинтон, Дональда Трампа и Джебба Буша в гонке за пост президента США. Кажется, Москва слишком оптимистично оценивает шансы Трампа.

На столе расставлено несколько подносов с канapé, в основном с рыбой и морепродуктами. Гостям также предлагаются пирожки с капустой или яблоками – все согласно традициям русской кухни. Мы сидим в нескольких метрах от кабинета Владимира Путина, за беседой проходит половина дня. Атмосфера холодной войны рассеялась, осталось только бесконечное ожидание. У меня предостаточно времени, чтобы погулять по президентскому крылу, все сфотографировать и рассмотреть предметы интерьера и картины. Охранники в темных костюмах и наушниках следят за каждым твоим шагом. Они явно привыкли к гостям президента и во многом напоминают агентов Секретной службы США, работающих в Белом доме.

Ближе к семи вечера мы перемещаемся в Каминный зал. Оператор подготовил всю аппаратуру, переводчики проверили свое оборудование, остается дожидаться президента. По комнате прогуливается несколько человек, и некоторые из них кажутся знакомыми, в

частности один подчиненный пресс-секретаря президента Дмитрия Пескова, разговорчивый молодой человек, который с удовольствием обсуждает международную политику. Грозным взглядом на него смотрит генерал Александр Суворов, чей портрет висит над нами на стене. Суворов – один из немногих российских полководцев, не проигравших ни одной битвы. Он одержал более 60 крупных побед и написал книгу “Наука побеждать”. Суворов – последний генералиссимус Российской империи. Сотрудники администрации президента спокойно ждут появления Владимира Путина, они привыкли к его рабочему ритму.

Примерно в 19 часов 45 минут нам официально объявляют, что президент освободится в ближайшее время. Все занимают свои места в Каминном зале, оператор готов начать видеозапись. Охранники выстраиваются в линии, практически как спецназ, образуя 40-метровый коридор безопасности, по которому предстоит пройти президенту, чтобы попасть в Каминный зал.

Ровно в восемь часов вечера распахиваются двойные двери кабинета Президента Российской Федерации и к нам выходит Владимир Владимирович Путин. За президентом следует Дмитрий Песков, несколько помощников и охранников. Через несколько секунд Владимир Путин пересекает порог Каминного зала.

Появляется президент. Он выглядит напряженным и осунувшимся, однако в зал он входит уверенной походкой. Язык тела Владимира Путина впечатляет: в каждом его шаге и жесте чувствуется сила и власть. Несложно себе представить, как он уединяется в этих залах и обдумывает сложные вопросы, которые могут повлиять на судьбы многих стран. С приходом Путина воздух в Каминном зале электризуется. Все вытягиваются по стойке “смирно”. За окном темнота поглотила последние лучи солнца, и сильный дождь барабанит по стеклам огромных окон. Операторы готовы записывать, микрофоны включены.

Владимир Путин приветствует своего собеседника улыбкой и рукопожатием. Менее чем через 10 секунд он садится на один из двух стульев у камина – традиционно так проходят переговоры с мировыми лидерами. Пока мы обмениваемся общими фразами с одним из самых влиятельных людей на планете, в комнате стоит тишина. Ее нарушают только щелчки затвора фотоаппарата – нашу встречу снимает официальный фотограф президента.

На Владимире Путине строгий темно-синий костюм, белая рубашка и голубой галстук. На ногах – черные кожаные ботинки, начищенные до блеска. Президент безупречен во всем. Кажется, он не способен на ошибку, его внутренняя сила впечатляет. Первое время его взгляд непроницаем. Президент Буш, должно быть, обладает сверхъестественными способностями, ведь он утверждает, что посмотрел в глаза Владимира Путина и увидел в них его душу.

Однако затем речь заходит о Сильвио Берлускони, и за считанные минуты настроение Владимира Путина кардинально меняется. Человек с ледяными глазами, охотник на медведей, мастер боевых искусств и президент Российской Федерации – он немного смягчается, его серьезность отступает. Владимир Путин вежливо слушает приветственные слова своего друга Берлускони. В наушниках звучит перевод, и поначалу переводчик едва справляется с эмоциями. Владимир Путин начинает рассказ о своем друге, и голос его становится более непринужденным. При этом он всегда говорит “Сильвио”, а не “Берлускони”. Так он его называет. Просто Сильвио. Президент России чувствует себя более раскованно и все больше оживляется. Он вертит в руках провод своего наушника и методично притопывает ногами. Несложно заметить, что между Сильвио и Владимиром существует взаимная симпатия. “Нам удалось установить хорошие отношения, по-настоящему дружеские”, – рассказывает Владимир Путин.

Президент России подбирает слова с большой осторожностью, однако он четко и уверенно выражает свое мнение о жизни Сильвио Берлускони.

“Вы ведь знаете, – говорит Путин, – что в послевоенной Италии Берлускони продержался у власти дольше остальных политиков. Это означает, что ему удалось не только обратить на себя внимание, но и убедить итальянцев, что он действует в их интересах. К тому же он прямолинейный, удивительный и очень интересный человек. Все это вместе взятое позволяет мне предположить, что Сильвио Берлускони, как политик и как человек, займет в истории Италии свое заслуженное место”.

Так говорит Владимир Путин.

Однако каков Сильвио Берлускони в реальности? Какой путь он прошел? Попробуем рассказать настоящую историю его жизни.

Глава 1

Прирожденный обольститель

Сильвио Берлускони один на своей вилле. Он прогуливается по саду, который расположен недалеко от конюшни и вертолетной площадки, в самом центре поместья площадью 73 гектара.

Лето в самом разгаре. Берлускони не торопясь идет по аллее в сторону своего особняка XVIII века, в котором 70 комнат. Ближе к дому по обеим сторонам дорожки высажены подстриженные кустарники и расставлены глиняные вазы с геранью. Поросшая травой тропа ныряет под каменную арку и приводит нас в просторный ухоженный сад. Газоны, клумбы с красной азалией, лимонные деревья, живые изгороди – здесь все безупречно.

Не доходя до виллы, 79-летний миллиардер останавливается. Он улыбается. Улыбается будто бы слегка застенчиво и немного самокритично, при этом очаровательно и любезно, что нередко обескураживает его гостей, особенно тех, кто ожидает встретить эксцентричного прожигателя жизни. Широкая и участливая улыбка помогла Берлускони взобраться на вершину власти. Путь вверх занял у него 25 лет. Берлускони стал медиамагнатом, затем одним из богатейших людей планеты и, наконец, премьер-министром Италии, который дольше всех продержался на своем посту и получил самые противоречивые оценки современников.

– Это дом всей моей жизни, – говорит человек, который несколько десятилетий вершил судьбу Италии.

На улице тепло, однако на Берлускони синий свитер, темно-синий пиджак и хлопчатобумажные спортивные брюки. На ногах – синие спортивные ботинки *Hogan*. Мы гуляем по саду, и под нашими ногами шуршит гравий. Берлускони рассказывает мне об особой роли этого дома в его жизни – именно здесь он принимал все судьбоносные решения. До самого горизонта видны статуи в стиле классицизма на мраморных постаментах. Кажется, будто они заглядывают за ограду сада.

Сказать, что сад идеально ухожен, – не сказать ничего. Это царство порядка и образец совершенства. Все даже слишком безупречно. Огромная вилла Сан-Мартино расположена в Ломбардии, поблизости от Милана, в городке Аркоре. Особняк был построен в начале 1700-х годов на фундаменте разрушенного бенедиктинского монастыря XII века. В 1970-х его приобрел Берлускони. Он роскошно обставил комнаты и наводнил дом техническими новинками, каких не было даже в фильмах про Джеймса Бонда. Берлускони также оборудовал конюшню, приобрел скаковых лошадей, построил посадочную площадку для личного вертолета и ни много ни мало – футбольное поле. Интерьеры виллы были оформлены со вкусом, разве что гобеленов и картин XVIII века слегка в избытке. Следуя эстетике 1980-х, дизайнеры смело сочетали классическое и современное, и буквально в каждой комнате особняка царила эклектика. В то время в домах новоявленных итальянских миллиардеров картины эпохи Ренессанса нередко соседствовали с работами постмодернистов, а многие миланские архитекторы и художники по интерьеру довольно быстро богатели.

Берлускони неспешно и гордо идет к своей роскошной вилле. По его словам, один из лучших видов на поместье открывается издалека, когда взору предстает вся панорама местности.

– Это дом всей моей жизни, – повторяет он, улыбаясь.

Берлускони никогда не разделял публичное и личное. Нередко эти две стороны его жизни переплетались очень тесно, что иногда оборачивалось громкими скандалами. Однако любая история заканчивалась возвращением на эту виллу.

Берлускони хорошо помнит, как в 1993 году его поместье впервые посетил Михаил Горбачев и как они провели в разговорах несколько часов: “Беседовать с ним было очень интересно, наша встреча меня воодушевила. Горбачев приехал с женой Раисой, мы оставили ее с моей женой Вероникой. Горбачев приехал к успешному итальянскому бизнесмену, чтобы поговорить об экономике, он меня долго расспрашивал об экономических системах и финансовых рынках. В пять часов вечера мы выпили по чашке чая, и Горбачев должен был отбыть. Мы уже направлялись к выходу, и тут он сказал: «Сильвио, одного я все же не понимаю. Какое министерство или учреждение устанавливает цены на продукты и товары?»”

Берлускони попросил повторить вопрос, Горбачев повторил: “Какое учреждение контролирует цены?” Тогда Берлускони настоял, чтобы Горбачев остался на ужин: им еще столько необходимо было обсудить. Они проговорили много часов, прекрасное вино *Rosso di Montepulciano* оживляло беседу. Берлускони разъяснил, что на Западе цены регулируются рынком и конкуренцией, а не государством. “Мне льстило, что я объяснял Михаилу Горбачеву устройство рыночного капитализма, – признается Берлускони. – Кажется, он остался доволен нашим разговором”.

Затем бывший премьер вспоминает, как в Аркоре приезжал его друг Владимир Путин, и показывает мне комнату, где российский президент ночевал в свой последний приезд. Хозяин дома, возможно, не сочтет за преступление, если в этот момент гость любопытствует, в каких комнатах проходили вечеринки “бунга-бунга”, те самые бесшабашные и якобы развратные вечеринки, которые обернулись большим скандалом, опозорили Берлускони и сделали Италию объектом насмешек. При этом крайне невовремя, в 2010–2011 годах, в разгар самого тяжелого для Европы финансового кризиса.

Аркоре. Для Сильвио Берлускони это не просто загородный дом, в котором он принимает гостей, Михаила Горбачева, Владимира Путина или небезызвестную танцовщицу Руби, “похитительницу сердец”. Сан-Мартино – его загородная резиденция, убежище, штаб-квартира и центр управления всей его империей. Именно отсюда он руководил строительством жилых кварталов и городов-спутников, что позволило ему заработать миллиарды. Эта вилла видела, как Берлускони становился медиамагнатом. Здесь он создал свою телесеть, покрывшую половину Европы, и здесь же придумал итальянское коммерческое телевидение. В 1980-х его телеканалы стали первыми итальянскими каналами, которые транслировались в Европе. Именно здесь, на этой вилле, он решил купить футбольный клуб “Милан”. Здесь же он принял решение пойти в политику и основать новую национальную партию. В 1994 году он меньше чем за три месяца превратился из богатого бизнесмена в премьер-министра Италии.

Вилла в Аркоре стала итальянским аналогом Кэмп-Дэвида. В этих стенах Берлускони проводил долгие вечера со своими адвокатами, юристами, экспертами и советниками, которые помогли ему выстоять против урагана из 60 судебных дел и обвинений по всевозможным статьям: коррупция, взяточничество, уклонение от налогов и даже связь с несовершеннолетними проститутками.

Вилла Сан-Мартино – его святилище, его оазис и островок безопасности. Отсюда ведется отсчет всех его побед и поражений, в бизнесе ли, в политике или в делах сердечных. В этих стенах распался его первый брак, здесь он проводил “бунга-бунга”-вечеринки, если они действительно имели место. Когда его обвинили в налоговых махинациях и суд конфисковал его паспорт и приговорил к общественным работам в доме престарелых для страдающих болезнью Альцгеймера, Берлускони жил на вилле в Аркоре целый год, что походило на домашний арест или жизнь при комендантском часе. В этих стенах он спланировал, как вернется в политику в 2015 году. В часовне при вилле захоронен прах его родителей и сестры. В поместье до сих пор живут его сын со своей женой и внуки. Именно здесь в возрасте 76

лет он завел себе новую девушку, которая младше его примерно на пятьдесят лет. Все это произошло в Аркоре.

Я помню, как познакомился с Берлускони. В 1980-х Тина Браун поручила мне написать статью для журнала *Vanity Fair* о том, как “новые принцы” итальянского капитализма наступают на пятки “некоронованному королю Италии” Джанни Аньелли. Тогда я впервые посетил виллу в Аркоре. Шли сумасшедшие восьмидесятые. Люди богатели, и половина мира упивалась благополучием и сытой жизнью, от яппи с Уолл-стрит до финансистов лондонского Сити. Экономика многих стран была на подъеме, средний класс обогащался, люди жили в атмосфере постоянного праздника. В 1980-е в Америке правил Рональд Рейган, в Великобритании – Маргарет Тэтчер, а в Италии стремительно богател новоиспеченный медиамагнат и миллиардер Сильвио Берлускони. “Один в поле воин”, человек, который пришел из ниоткуда, всего добился сам и готовился стать одним из самых обеспеченных людей планеты. Он взбудоражил финансовые элиты Италии, поскольку его фамильярный стиль ведения дел стал очень популярным, а его телеканалы сделали его богаче самого Джанни Аньелли, учтивого и открытого всему миру плейбоя, который занялся бизнесом и возглавил компанию *Fiat*, основанную его предком.

В Аркоре я чувствовал себя, как в личном Диснейленде богача. Все было автоматизировано. Везде царил идеальный порядок. Во главе угла стояли красота, совершенство и да, гедонизм.

“А это мой крытый бассейн”, – сказал мне Берлускони в 1989 году, когда показывал свой дом. Загорелый и подтянутый, в фирменном двубортном костюме *Brioni*, он хорошо выглядел и заражал всех вокруг своей мальчишеской энергией и энтузиазмом. Он указал на двухметровый экран, подвешенный высоко над бассейном: “Так я могу смотреть свои телеканалы, даже когда плаваю”.

Берлускони буквально светился, когда демонстрировал мне зону отдыха. Рядом с бассейном располагались сауна, парная, джакузи и тренажерный зал. С особой гордостью он показал мне пространство, отделанное светлой скандинавской сосной, с мягкими диванами и целой стеной из телеэкранов. Там показывали прямую трансляцию его трех основных телеканалов. Затем хозяин особняка показал мне раздвижную панель с кнопками, которые позволяли регулировать громкость музыки, яркость и тип подсветки, а также вызывать прислугу. Даже в ванной комнате не обошлось без сюрпризов. По бокам от зеркала были встроены двухдюймовые телеэкраны, что по меркам 1980-х считалось настоящим хай-тек-решением. Тогда еще не существовало технологии *Wi-Fi*, светодиодов и компьютеров *Apple*. Довольный Берлускони пояснил, что перед таким зеркалом он может смотреть свои телеканалы, когда бреется.

Вилла в Аркоре практически не меняется, чего не скажешь о ее хозяине, которому скоро исполнится 80 лет. Он прожил невероятно яркую и насыщенную жизнь, и сегодня в родной Италии его одновременно ненавидят и обожают.

“Вот уже 30 лет эта вилла – моя главная резиденция”, – Берлускони идет к выходу с веранды по светло-серому каменному полу и останавливается у ворот.

На стене красуется каменный медальон с семейным гербом, на котором изображен святой Мартин, епископ Турский, живший в IV веке. Его могила во Франции – популярное место среди паломников, направляющихся в испанский город Сантьяго-де-Компостела. Около тысячи лет назад монахи-бенедиктинцы начали строить в Аркоре монастырь и назвали его в честь известного христианского святого. Фамильная часовня Берлускони – единственная сохранившаяся с XII века постройка.

Хозяин поместья рассказывает мне о каменном барельефе. Епископ Турский изображен верхом на лошади. Он разрезает мечом свой плащ и отдает половину нищему, замерзающему от холода. Согласно легенде, когда святого Мартина призвали на службу в римскую

армию, он осознал, что христианская вера несовместима с выполнением воинского долга, и стал первым в мире человеком, отказавшимся от военной службы по религиозным убеждениям.

Пересказывая историю о святом Мартине, Берлускони улыбается, на этот раз без тени иронии. Засыпанный гравием двор перед виллой Сан-Мартино освещают тусклые лучи заходящего солнца. Однако неутомимый Берлускони вошел во вкус и рвется продолжать нашу прогулку. Мы идем в одну из неисчислимых комнат со всяческими памяtnыми вещицами. Берлускони что-то ищет. Вертя в руках изображающую его самого пластиковую фигурку с головой на пружинке, он показывает мне полки со стопками фотографий: Берлускони со своей матерью Розой, Берлускони и Барак Обама, Берлускони и Джордж Буш-старший, Берлускони и Джордж Буш-младший, Берлускони и Тони Блэр, Берлускони и Билл Клинтон, Берлускони и Хиллари Клинтон, Берлускони и королева Елизавета, Берлускони и папа римский Бенедикт XVI.

На стене висит фотография из совсем другой эпохи, блеклая и пожелтевшая. На ней изображен молодой Берлускони. Симпатичный молодой человек в элегантном пиджаке, галстук и соломенной шляпе страстно и увлеченно поет в микрофон образца 1950-х. Когда-то Берлускони зарабатывал тем, что пел на круизных лайнерах.

“Это я, – заявляет неутомимый Берлускони. – Здесь мне шестнадцать лет. Как говорила моя мама, я был главным красавчиком на любом пляже”. На вилле Сан-Мартино внезапно воцаряется атмосфера ностальгии. Берлускони всегда рад показать свое поместье, всегда приветлив с гостями и старается, чтобы все остались довольны. Для него крайне важно произвести впечатление, ведь он по природе своей артист, шоумен, невозмутимый торговец, продающий мечты. Долгие годы Берлускони был итальянским Рональдом Рейганом. Американский президент славился добродушием и не стеснялся показывать свои слабости, например страсть к жевательным конфеткам. При этом Берлускони претендовал и на лавры итальянской Маргарет Тэтчер, правда, провести либеральную революцию ему так и не удалось. Он покорял избирателей чарующим обаянием, обещал им снижение налогов, обещал им весь мир, дружески похлопывал всех по спине и брал на руки детей. Популист до мозга костей в жизни и политике. Казалось, что его слоган – “Главное, чтобы клиенты были довольны”. Берлускони также стал европейским лидером, который дольше всех оставался на своем посту. Он был свидетелем многих великих политических событий и катаклизмов, таких как окончание холодной войны, война в Персидском заливе, “арабская весна”, уничтожение Муамара Каддафи и европейский финансовый кризис 2011 года, который чуть было не потопил его родную Италию. Может звучать странно, но история часто оправдывала спорные взгляды Берлускони на международную политику.

Как ему это удалось? Как человек из рабочего квартала Милана, которому приходилось всего добиваться самому, стал миллиардером и медиамагнатом и трижды избирался на пост премьер-министра Италии? Как получилось, что певец на круизных кораблях двадцать лет вершил судьбы целой нации?

Берлускони без каких-либо затруднений называет секрет своего успеха, ни секунды не колеблется:

“Я прирожденный оболъститель”, – говорит он, подмигивая и улыбаясь своей фирменной голливудской улыбкой.

Мы сидим в его любимой гостиной с эркером. Из распахнутых окон виден фонтан из белого мрамора. Берлускони рассказывает, как добился всего, чего хотел.

“Мои враги думают, что обижают меня, называя прирожденным оболъстителем, – объясняет Берлускони. – А я просто всегда со всеми открыт. Я уважаю других людей и всегда стараюсь поставить себя на их место. Если я встречаюсь с чем-то выгнутым, то принимаю вогнутую форму. Если с чем-то вогнутым, сам становлюсь выпуклым. Таким образом я

всегда достигаю с людьми взаимопонимания, устанавливаю контакт, настраиваюсь на одну волну. Кто-то называет это эмпатией, отзывчивостью. Я часто пользуюсь этим инструментом для достижения своих целей, для поддержания хороших рабочих отношений”.

В характере Берлускони заложена необходимость угождать людям, заставлять их улыбаться – впрочем, от этого растет самооценка любого человека. В каких же условиях рос и вырос этот молодой охотник за удовольствием? Берлускони умеет перенаправлять энергию своего обаяния в нужное русло: на работу, бизнес или строительство своей империи. Возможно, это защитный механизм, а возможно, способ достичь своих целей. Если учесть то, как Берлускони пробивался к лучшей жизни, становится понятнее, откуда его тяга угождать людям, изобретать победоносные стратегии и очаровывать всех и каждого ради нужного результата. Его история довольно обычна: он поднялся наверх из низов среднего класса, пережив лишения и нужду в опустошенной войной Италии.

Берлускони родился 29 сентября 1936 года. Его отец Луиджи работал в банке, где дослужился до руководящих постов. Мать Роза была домохозяйкой, а затем устроилась секретарем в компанию *Pirelli*. Семья Берлускони жила в не самой приятной части Милана – в квартале Изола, что означает “остров”. Этот грязный и, можно сказать, заброшенный район находился у пешеходного моста через железнодорожные пути и был заперт между двумя крупнейшими вокзалами города – “Порта Гарибальди” и Центральным вокзалом Милана, аналогом Центрального вокзала Нью-Йорка. В 1943 году у Берлускони родилась сестра Антониетта, а после Второй мировой войны, в 1949 году, брат Паоло.

“Жизнь в нашем квартале была ключом. Тогда там жили и рабочие люди, и бедный средний класс, и бездомные, – вспоминает Феделе Конфалоньери, друг детства Берлускони. – Не то чтобы у нас бушевала организованная преступность, но сомнительных типов хватало. Опасный был райончик. Я отлично это помню, потому что родился на той же улице, что и Берлускони, на улице Волтурно. Забавно, но я до сих пор помню, что квартира его семьи находилась в доме, напротив которого располагалось отделение Коммунистической партии”.

“В целом все тогда жили бедно, – продолжает Конфалоньери. – Особенно тяжело стало после 1940 года, когда Муссолини объявил войну Франции и Великобритании и Италия вступила во Вторую мировую войну в качестве союзника Гитлера. Берлускони и Конфалоньери оба помнят ковровые бомбардировки Милана – бомбы союзников падали на заводы, церкви, школы, офисы и жилые дома. Многие жители покидали город и искали убежище в его окрестностях”.

“Никогда не забуду, как союзники бомбили Милан в 1943 году, – рассказывает Берлускони. – Мне было шесть с половиной лет. Однажды бомба упала прямо на нашу улицу Волтурно. После этого мои родители решили переехать в небольшую деревню на север от Милана. Деревня находилась в часе езды от города, недалеко от озера Комо, на пути к Варезе. Там жило не больше тысячи человек, вокруг – фермы да поля, поэтому бомбить там было нечего и мы были в безопасности. В этой деревне жили родственники моей матери, которые выделили нам две комнаты в своем доме”.

Семья Берлускони была эвакуирована из Милана весной 1943 года, а вскоре после этого Муссолини был свергнут, американцы заняли Сицилию, а Италии пришлось секретно подписать перемирие, перейти на сторону союзников и отказаться от фашизма. В ответ Германия вторглась в Италию и быстро оккупировала ее, после чего союзники продолжили бомбить занятый немцами Милан.

“В 1943 году все произошло очень быстро, – вспоминает Берлускони. – Мой отец был против фашизма, поэтому друзья посоветовали ему скрыться в Швейцарии. Он перешел границу, и мы остались совсем одни в крошечной деревушке, во всемирно забытой глуши. Все заботы свалились на мою мать. Она работала секретарем генерального директора *Pirelli* и

каждый день ездила в Милан, а из-за бомбардировок находиться в городе было очень опасно. Я помню те дни, как будто это было вчера. Каждое утро она вставала в пять часов утра, пешком шла три километра до трамвайной остановки, ехала до железнодорожной станции и садилась на поезд в Милан, а затем еще ехала на трамвае до работы. В пять часов вечера она заканчивала работу и возвращалась в деревню, и я каждый день встречал ее. Каждое утро ее отъезды очень расстраивали меня, и она всегда целовала меня на прощанье”.

Вспоминая об этом, Сильвио Берлускони начал нервно притопывать левой ногой. Он также рассказал, что во время войны жил не только с матерью. Когда они переехали в деревню Ольтрона-ди-Сан-Маметте, что примерно в 35 километрах к северо-западу от Милана, с ними также жили бабушка и дедушка, отец его матери и мать его отца. “Так что маме приходилось кормить пятерых, и еды часто не хватало”, – говорит он.

Нетрудно предположить, что война сильно повлияла на характер Берлускони. По-другому и быть не могло. В течение трех лет жить в чужом доме, когда твой родной город бомбят... Когда семью эвакуировали, ему еще не было и семи лет. Денег было мало. Отец ушел в Швейцарию, а мать, которая только что родила Антониетту, стала кормильцем всей семьи и единственным островком стабильности в мире маленького Сильвио. Без нее его мир погрузился бы в неопределенность.

Как и многие дети, росшие в истерзанной войной Италии, молодой Сильвио помогал семье как мог. После школы он за гроши собирал картофель, не пренебрегал и другими случайными подработками. Иногда ему удавалось накормить ужином всю семью. Ломбардия – молочный регион, и жители там часто ужинали простоквашей или молоком, в которые добавляли поленту (блюдо из кукурузной муки) или кусочки хлеба.

“Каждый вечер я помогал доить коров на ближайшей ферме, – рассказывает Берлускони. – Я доил час-полтора, иногда два, а в качестве оплаты мне давали небольшое металлическое ведро с чем-то вроде густого йогурта, это называлось *cajada*. По пути домой я любил раскручивать ведро так, чтобы оно описывало целый круг, оказываясь вверх дном в верхней точке. Из-за действия силы тяжести йогурт не проливался. Но однажды я встретил своих друзей и захотел покрасоваться перед ними, показав свой фокус. В самый неподходящий момент кто-то схватил меня за локоть, и йогурт оказался на земле. В тот вечер мама задала мне знатную взбучку, потому что ужинать нам больше было нечем”.

По ночам Берлускони мог видеть полыхающий Милан, хотя между ним и городом было более 35 километров. После бомбежек горели целые районы города, и зарево было хорошо видно из не освещенной огнями сельской местности.

Было очевидно, что находиться в городе по-настоящему опасно, и все члены семьи Берлускони очень переживали за Розу, которая каждый день ездила в Милан на работу. Однако Роза, судя по всему, была сильной и настойчивой женщиной – эти качества она передаст своему сыну. Иногда Роза совершала смелые поступки. Об одном таком эпизоде премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху рассказал в кнессете в 2010 году, когда Берлускони находился в Израиле с официальным визитом.

В последние два года войны, когда печально известные “расовые законы” Муссолини 1938 года еще действовали, а нацисты контролировали большую часть Италии, евреев тысячами арестовывали и отправляли в Германию, в концентрационные лагеря.

“Каждое утро моя мать ездила на одном и том же поезде, как и многие другие пассажиры, поэтому по большей части все знали друг друга в лицо, – вспоминает Берлускони. – Как-то раз на одной из остановок в вагон зашел немецкий полицейский, вооруженный пистолетом. Он подошел к одной девушке со словами: «Вот ты где! А я тебя давно ищу. Ты идешь со мной». Девушка была еврейкой, и пойдя она с ним, наверняка оказалась бы в концентрационном лагере. Моя мать возразила полицейскому: «Нет! Оставьте ее в покое и забудьте, что ее видели!» Он грубо приказал моей матери замолчать и пригрозил застрелить. Она осталась

стоять и сказала: «Давайте, убейте меня, но сначала оглянитесь вокруг и посмотрите в лица этих людей. Вы можете убить меня, но я вам гарантирую, что живым вы с этого поезда не сойдете». Остальные пассажиры встали и окружили полицейского. Он посмотрел вокруг и понял, что даже если застрелит мою маму, преимущество будет не на его стороне и живым он не выберется, – он просто ушел. Девушка была спасена».

Пересказывая это в израильском парламенте, Нетаньяху подытожил: «Твердость этой итальянской женщины спасла жизнь еврейской девушки. Пусть даже на одно мгновение, но она зажгла огонь гуманизма в погруженной во тьму Европе. Эту смелую женщину звали Роза, а одного из ее сыновей зовут Сильвио Берлускони».

Закончив свой рассказ, Берлускони замолчал и глубоко вздохнул. Эти воспоминания времен военной Италии как будто успокаивали его. И, словно набравшись сил, он продолжил: «Мать стала для меня образцом для подражания, но я сильно скучал по отцу. Во время войны нам всем его не хватало, а его не было все три года, что мы жили в той деревне. По воскресеньям бабушка водила меня в маленькую церковь на утреннюю мессу, и однажды я увидел там мужчину, который был очень похож на отца. Он сидел передо мной, примерно на две скамейки ближе к алтарю, и сзади его шея и воротник рубашки выглядели точь-в-точь как отцовские. Целый месяц я каждое воскресенье сидел сзади этого человека и тихонько плакал – так тяжело мне было без отца. Война закончилась, и многие итальянцы, которые прятались в Швейцарии, возвращались домой. Мой отец приехал одним из последних. Каждый вечер я брел на ближайшую автобусную остановку примерно к шести часам и смотрел на выходящих из автобуса людей, но отца среди них никогда не было, поэтому я шел домой один и плакал. Так прошло много недель, но в конце концов я его дождался. Он вышел из автобуса и обнял меня, а затем мы всей семьей здорово отпраздновали его возвращение. Отец снова был с нами, наконец-то! Тогда мне едва исполнилось десять лет, а вы можете себе представить, каково ребенку жить без отца три военных года».

Шел 1946 год, война закончилась, подходил к концу тот тяжелый период, когда членам семьи Берлускони приходилось ютиться в чужом доме, жить впроголодь и обходиться без сильного мужского плеча. Эти несколько лет научили Сильвио Берлускони выживать в любых условиях и, несомненно, повлияли на его характер.

«По правде говоря, меня не особо любили в той маленькой деревенской школе, – вспоминает Берлускони. – Сельские школьники не были рады миланским детям, так как мы занимали места в школе, постоянно искали еду и тому подобное. Среди местных была расхожая довольно грубая фразочка про нас – *Milanesi mangia fistun va fora di cujun*, что в переводе с их диалекта примерно означало: «Миланцы, катитесь отсюда». А меня постоянно доводил один задира. Однажды он вывалял меня в снегу, в другой раз натравил на меня собаку и так далее. Тогда я ходил во второй класс начальной школы. Как-то в июне была страшная гроза, лило как из ведра. Большая часть домов и церковь располагались у подножия холма, школа – чуть выше по склону. Наверх вели всего две мощеные дороги, никакой канализации и водосточков не существовало, поэтому в сильный дождь через деревню неслись бурные потоки воды, а на площади образовывалось небольшое озеро. В тот день, как и в любой другой, задира много обзывался и всячески мне досаждал. И тот день я никогда не забуду, потому что тогда я впервые решил дать ему сдачи, и очень скоро вокруг нас собралась половина школы. То есть мы устроили настоящую «разборку». Мы дрались, а ребята из школы нас подначивали. Наконец мне удалось схватить противника и опустить его голову под воду. Я прокричал: «Больше никогда не смей говорить мне: «Отвали!» Даже и не думай! Понял? А теперь сдавайся!» Он выкрикнул «Сдаюсь!», признал свое поражение, и я его отпустил».

При этом Берлускони выразительно показывал, как держал голову нахала под водой. Когда он говорил о той победе, впервые за весь рассказ о детстве его лицо просияло фир-

менной улыбкой яркостью в тысячу ватт: “С того самого дня и в течение всей моей жизни во мне видели лидера”.

Когда семья Берлускони вернулась в Милан, родители решили отправить Сильвио в католическую школу, что находилась неподалеку. Это была салезианская школа. В послевоенной Италии многие семьи отдавали мальчиков 11–12 лет монахам-салезианцам. Богатые аристократические семьи могли себе позволить отправлять сыновей на обучение к иезуитам, но люди без соответствующего социального статуса и жители бедных районов должны были идти к салезианцам.

Итак, с 11 до 18 лет Сильвио Берлускони ходил в салезианскую школу Дона Боско, которая была расположена менее чем в двух километрах от их дома на улице Волтурно.

Священник римско-католической церкви Иоанн Мельхиор Боско, известный как Дон Боско, жил в XIX веке. Большую часть своей жизни он провел в промышленном городе Турин, где преподавал и писал книги. Дон Боско посвятил свою жизнь воспитанию трудных подростков, в том числе беспризорных детей и несовершеннолетних преступников. В основе его методов обучения лежали строгая дисциплина и классическое образование: латынь, командные виды спорта и молитва.

Дон Боско был последователем святого Франциска Сальского, дворянина XVI века, который обучался у иезуитов и стал известен как “святой джентльмен”. В 1859 году Дон Боско основал салезианскую конгрегацию, чтобы помогать детям и подросткам из бедных семей, которых после промышленной революции в Европе было немало. Устав салезианцев так определяет задачи их общества: “Достижение христианского совершенства своих последователей путем моральной и материальной помощи детям и подросткам, особенно бедным, а также воспитание в мальчиках будущих священников”.

В XX веке в школах-пансионах салезианцев учились такие известные люди, как режиссер Альфред Хичкок, Бенито Муссолини и нынешний папа римский Франциск.

Новых учеников салезианских школ первое время воспитывали в особой строгости и дисциплине, также им было уготовано изрядное количество телесных наказаний.

Оригинал во всем, Альфред Хичкок отходил к салезианцам всего неделю. В 1908 году, когда Альфреду было девять лет, отец отдал его в салезианскую школу в Баттерси, районе на юге Лондона. В то время строгие наставники школы верили, что сильная доза слабительного в еде может помочь их ученикам избавиться от всех физических и душевных недугов. Когда отец Хичкока узнал об этом, он сразу же забрал сына из школы.

Жесткие методы воспитания, которые практиковали отцы-салезианцы, сильно повлияли на молодого Муссолини, учившегося в их итальянской школе. Он был дерзким и непокорным бунтарем, и строгая салезианская дисциплина тяготила и угнетала его. Учителя постоянно к нему придирались – на уроках, во время приемов пищи и даже перед отходом ко сну. Муссолини не продержался у салезианцев и двух лет. Когда ему было десять, он сильно подрался с другим учеником и ранил тому руку ножом. Наставники признали Муссолини агрессивным и неуправляемым и вскоре исключили из школы. Совершенно другие отношения сложились с салезианцами у аргентинского мальчика Хорхе Марио Бергольо, который поступил к ним в 1949 году, а через 64 года стал папой римским Франциском. В шестом классе Бергольо ходил в “Уилфрид бэрон”, салезианскую школу в Рамос-Мехия, западном районе Буэнос-Айреса. Через десять лет он посещал занятия в иезуитской семинарии, что довольно необычно, поскольку семьи, как правило, выбирали либо иезуитов, либо салезианцев, а Бергольо познакомился с обоими учениями.

Позднее папа римский Франциск рассказывал, что в то время учеба в салезианской школе была центром его вселенной: “Мы усердно готовились ко взрослой жизни. Дни пролетали незаметно, бездельничать было совершенно некогда”. По словам понтифика, каждое утро они ходили на мессу, а затем целый день шли занятия с коротким перерывом на обед.

После уроков они общались со священниками и делали домашние задания, а перед отбоем один из монахов рассказывал историю тем ученикам, кто постоянно жил в школе (это было своеобразное ритуальное “спокойной ночи”). Папа отдельно отметил, что учеба в салезианской школе показала ему, как совместная жизнь с другими людьми учит многим полезным и важным вещам.

Берлускони описывает схожие ощущения: “У салезианцев Дона Боско я осознал, насколько важно уметь взаимодействовать с людьми и находить общий язык с любым человеком”.

Папа Франциск и Берлускони совершенно не похожи характерами, и очень по-разному сложились их жизни и карьеры, однако нельзя не заметить и чего-то общего. Они практически одного возраста – оба родились в 1936 году, оба в возрасте 12 лет ходили в салезианскую школу.

“Те восемь лет у салезианцев в значительной степени сформировали мой характер, – признается Берлускони. – Порядки в школе были строгие. Занятия длились с половины девятого утра до пяти вечера. Каждое утро мы посещали мессу, где я прислуживал в алтаре. Затем шли уроки: латынь, древнегреческий, математика или литература, днем был часовой перерыв на обед и вновь уроки. Домой мы уходили в пять или полшестого и остаток дня тратили на домашние задания. Даже мне приходилось нелегко – обычно я вставал из-за стола только к девяти вечера. Как раз в это время домой возвращался отец, который часто работал сверхурочно. Мне так не хватало его те три военных года, что я всегда ждал его с большим нетерпением, а сейчас с удовольствием вспоминаю те вечера, потому что отец всегда приходил в хорошем настроении, независимо ни от чего. Было неважно, как прошел его рабочий день, беспокоило его что-то или нет. Стоило ему переступить порог нашей квартиры, и он тут же находил в себе силы как-нибудь нас порадовать. Тогда я любил говорить, что мой отец ходит с маленьким солнцем в кармане”.

Одноклассники Берлускони помнят его как одаренного ученика, который уже тогда обладал предпринимательской жилкой, как умника, который мог быстро сделать свое домашнее задание и помочь другим в обмен на сладости или мелочь.

В салезианской школе Берлускони встретил своего друга детства Феделе Конфалоньери. Берлускони было 12 лет, Конфалоньери – на год меньше. Следующие семь лет они учились вместе и остались лучшими друзьями на всю жизнь. Конфалоньери стал не только близким другом Берлускони, но и его главным советником, а затем Берлускони поставил его во главе своей империи коммерческого телевидения и назначил президентом холдинговой компании *Fininvest*.

В конце 1940-х годов они начали вместе ходить из школы домой, как-никак они жили на одной улице, в нескольких домах друг от друга.

Берлускони помнит, что впервые увидел Конфалоньери в школе на мессе: “Было восемь тридцать утра, и я уже играл на органе и дирижировал детским хором, как вдруг вошел Феделе. С самого начала стало ясно, что с органом он управляется лучше меня, поскольку учился в консерватории. Это дело я оставил ему”.

Рассказывая о Берлускони, Конфалоньери первым делом отмечает его врожденный артистизм: “Он всегда развлекал нас и мог очаровать всех и каждого. Он играл в школьных спектаклях и писал для нашей газеты. Естественно, что в салезианской школе каждый день была месса, и каждый день мы с Берлускони туда ходили, что было некоторым перебором, учитывая наш подростковый возраст. Мне кажется, что нас сблизил именно музыка. Иногда мы устраивали джем-сейшены: я играл на органе или пианино, а он пел, обычно американские песни. Он всегда стремился доставить людям удовольствие, развлечь их”.

Берлускони задумчиво смотрит вдаль. Кажется, его захлестнули воспоминания. “Да, орган остался за Феделе, – сказал он наконец, – это стало его зоной ответственности. А я

начал писать приветственные речи для важных гостей школы. К нам то епископ заедет, то кардинал. Я стал конференсье, распорядителем церемоний, который произносил все официальные речи, и учителя были очень мной довольны. Иногда я писал речи на латыни, ведь мы учили ее восемь лет и пять лет – древнегреческий. Вот где приходилось по-настоящему трудиться! И если у тебя не получалось, тебя выгоняли из школы, так что учиться нам приходилось много”.

Берлускони вновь игриво улыбается.

“У меня очень много родственников, – продолжает он. – И восемь моих тетушек и двоюродных сестер стали монахинями. Восемь монахинь в семье! Некоторые из них жили в обители недалеко от моей салезианской школы и часто приходили меня послушать, когда я произносил речь по случаю приезда кардинала или епископа. Однажды одна из них отвела меня в сторону и воскликнула: «Какой прекрасный кардинал из тебя бы получился!» Эту фразу она будет повторять в течение многих лет”.

Берлускони так хохочет над этой историей, что с трудом продолжает свой рассказ.

“Много лет спустя моя единственная оставшаяся в живых кузина, тоже монахиня, подошла ко мне после очередной моей речи и сказала: «Каким бы ты стал замечательным папой римским!» И должен признать, что нынешний понтифик делает свою работу именно так, как делал бы ее я. Но согласитесь, хотя мы с ним почти одного возраста, я выгляжу моложе”.

Сильвио Берлускони неисправим. Просто безнадежен.

На момент окончания салезианской школы Конфалоньери и Берлускони уже выступали на сцене: в выпускном классе они собрали музыкальную группу и позвали в нее троих друзей.

“Конфалоньери был главным и играл на пианино, а я пел и играл на контрабасе и гитаре, – рассказывает Берлускони. – Обычно мы давали концерты вечером в субботу и днем в воскресенье. Мы давали действительно хорошие концерты и получали за это хорошие деньги. У нас по-настоящему неплохо получалось”.

Всегда в погоне за победой. Всегда лучший. Всегда *Numero Uno*.

Два друга создали новую группу, что было ожидаемо и естественно, ведь они могли обаять и уболтать любого. На этот раз Берлускони играл на бас-гитаре, а Конфалоньери – на клавишных. И старый друг детства подтверждает, что молодой Берлускони действительно был отличным вокалистом.

“Да, у Берлускони был хороший голос. И он довольно рано стал хорошим певцом, – вспоминает Конфалоньери. – Мы с ним прошлись по всем итальянским романтическим песням, он и сам писал песни о любви. Еще он довольно неплохо пел на французском и знал песни на английском, что было очень современно по меркам 1950-х. Берлускони всегда шел в ногу со временем. Как правило, мы выступали в танцевальных залах, сейчас мы бы сказали – на дискотеках. Но если раньше к полуночи мы уже лежали в постелях, то теперь к полуночи люди только появляются в клубе, в лучшем случае. Из танцевальных залов мы перебрались в миланские ночные клубы и подрабатывали на частных вечеринках и свадьбах. И да, в то время мы немало зарабатывали. Берлускони великолепно исполнял свою версию «*My Funny Valentine*» и многие хиты Гершвина, например «*Embraceable You*» и «*Lady, Be Good*», «*I Got Rhythm*» и «*The Man I Love*». В его арсенале также была целая программа из шлягеров Фрэнка Синатры и Джерома Керна, а также Роджерса и Хаммерстайна, которые сочинили множество великих хитов, звучащих в бродвейских мюзиклах. Годом к восемнадцати мы зарабатывали достаточно, чтобы покупать большое количество музыкальных записей. А сейчас все те песни можно скачать бесплатно – подумать только!”

После окончания школы друзья поступили на юридический факультет Миланского университета и продолжали петь в клубах.

Вопреки распространенному в Италии мифу, Конфалоньери никогда не выступал на круизных лайнерах с Берлускони – он страдал от морской болезни. Однако не только корабельная качка разлучила близких друзей, которые до этого рука об руку покоряли музыкальный олимп в течение двух университетских лет.

“Мы всегда оставались друзьями, – говорит Берлускони, – но он был довольно категоричен, иногда резковато высказывался, поэтому мы спорили часто и обо всем подряд: о футболе, о музыке. Когда нам было лет по двадцать и мы уже учились в университете, он руководил нашей небольшой музыкальной группой и, представьте себе, уволил меня”.

Причина, по которой Берлускони выгнали, лишней раз доказывает, что предпринимательская жилка заложена у него в генах.

“Конфалоньери выставил меня, потому что считал, что я слишком много времени провожу с людьми, которые пришли нас послушать или потанцевать под нашу музыку. Якобы я слишком мало бывал на сцене. Я пытался объяснить ему, что занимаюсь чистым маркетингом и налаживаю контакт с публикой, чтобы люди в следующий раз пришли на наш концерт, а не на чей-то еще. Но он хотел, чтобы я играл на контрабасе, потому что ему нравилось, как я играю на контрабасе. А я, между прочим, был знаком и с барабанами, и с гитарой, время от времени садился за пианино. Но нет, он сказал: «Сильвио, ты мне нужен на контрабасе». Как-то раз мы долго ругались, он обвинял меня в том, что я очень много времени трачу на общение с людьми и мало играю на контрабасе. И уволил меня. Просто взял и уволил! Естественно, я начал выступать в другом месте, и уже через три недели все люди ходили слушать меня, а он в итоге ездил с концертами в Бейрут, то есть в Ливан!”

Рассорившись с другом, Берлускони решил провести лето на круизных лайнерах и устроился в компанию *Costa Cruise Lines*. Сначала он только пел, а затем стал выполнять самую разную работу. До этого он уже пробовал подрабатывать свадебным фотографом и продавцом пылесосов, однако настоящая школа жизни ждала его в морских круизах. Берлускони, называющий себя “прирожденным обольстителем”, отточил свое умение очаровывать людей, исполняя незамысловатые песенки для пассажиров гигантских океанских лайнеров, круживших по морям. Обычной публикой там были обеспеченные пенсионерки и молодожены, празднующие свой медовый месяц.

“Сначала я играл на контрабасе в группе *Lambro Jazz Band*, названной так в честь реки Ламбро, которая течет через Милан. У нас было пять музыкантов, а я вскоре стал ведущим вокалистом. А каждый день в полночь на главной палубе корабля шел концерт, который в программке круиза значился как *Une Voix et Une Guitare* – «один голос и одна гитара» по-французски. Это был я! Я отлично развлекал публику. Я знал 150 песен и принимал заказы из зала. Иногда я даже сочинял песни на ходу, например для какой-нибудь приятной особы, просто чтобы понравиться слушателям. У меня всегда хорошо получалось писать тексты песен и рифмовать слова. В общем, я отменно проводил время”.

Берлускони смеется, вспоминая свои выступления на круизных лайнерах.

“При этом я не только пел, у меня была масса других обязанностей. Мой день начинался на палубе с игровыми площадками, где я организовывал все игры. Днем корабль пришвартовывался в каком-нибудь порту, и люди сходили на берег, чтобы осмотреть местные достопримечательности, а я проводил для них экскурсии, хотя в большинстве случаев сам видел город впервые. Но я готовил свои туры заранее и лишь потом преобразался в гида. Затем с девяти вечера до полуночи я играл с группой в танцевальном зале, а с полуночи до трех часов утра пел в *Une Voix et Une Guitare*. График у меня был очень плотный”.

Берлускони признается, что исполнял достаточно много песен Фрэнка Синатры, однако его настоящей страстью были французские песни о любви.

“Сначала я больше внимания уделял итальянским песням. Порой я сам писал слова, а Феделе – музыку. Но французские композиции нравились мне больше, я просто обожал

французские песни о любви. Думаю, что именно поэтому я решил пожить в Париже. На тот момент я еще учился на юридическом в Милане, диплома у меня не было. Я начал слушать курс по сравнительному правоведению в Сорбонне. А по вечерам я подрабатывал, пел в кабаре. Было здорово, мне это нравилось. Но мой отец очень расстроился, когда после окончания курса в Сорбонне я не поехал в Милан. Он умолял меня вернуться”.

Берлускони подается вперед для усиления драматического эффекта.

“Однажды вечером я пел в кабаре, а он зашел в зал. Он просто стоял в дальнем конце зала и смотрел на меня. Я закончил, занавес опустился, и я пошел в гримерную. Отец зашел в комнату и спросил: «То есть ты собираешься всю жизнь петь по кабакам?» Я знал, что мне придется бросить эту работу. Мы обнялись и на следующий день вместе уехали из Парижа. В Милане мне предстояло закончить юридический, а моя эстрадная карьера была окончена”.

Затем произошло именно то, на что, вероятно, и рассчитывал отец Берлускони, возвращая сына в Милан. В 25 лет Сильвио Берлускони получил диплом юриста и дал волю своим предпринимательским способностям. Молодой артист стал делать первые шаги в бизнесе. Его сценические навыки перекочевали в деловую сферу: умение подать себя трансформировалось в умение продавать. В двадцать с лишним лет он начал организовывать коммерческие сделки, а в случае с Берлускони можно было не надеяться, что он станет довольствоваться скромными результатами.

Певец с круизных лайнеров собирался стать юным королем миланского бизнеса.

Глава 2

Неутомимый предприниматель

Берлускони было 25 лет, когда он заключил свою первую сделку по продаже недвижимости. Он только окончил Миланский университет и получил диплом в области коммерческого права. Шел 1961 год. Певец с океанских лайнеров обосновался в офисе и научился одинаково хорошо делать самую разную работу. Он устроился на неполный рабочий день в небольшую миланскую строительную фирму.

Строительная отрасль в Милане процветала. После войны город стал финансовой столицей Италии, которая в начале 1960-х годов переживала настоящий экономический бум, названный “итальянским чудом”. По всей стране открывались предприятия, итальянцы богатели, зарождалось общество потребления. Италия стремительно индустриализировалась и урбанизовалась, и жители аграрного бедного юга переезжали в Милан, где было много рабочих мест, но мало жилья. Благосостояние нации росло, и представители нового среднего класса уже могли себе позволить свой первый маленький “фиат 500” и скромный дом или квартиру.

Экономический бум 1961 года означал для молодого Берлускони только одно: возможности. Ему нужно было придумать бизнес-идею, найти свою нишу, посмотреть на рынок под другим углом. В его ДНК были встроены особые бизнес-хромосомы – Берлускони был прирожденным продавцом. Неслучайно его дипломная работа была посвящена маркетингу. Он получил за нее высший балл и окончил университет с отличием, а затем выиграл конкурс одного миланского рекламного агентства, которое искало молодые таланты, и получил 500 тысяч лир. Ему было 25 лет.

После окончания университета Берлускони отклонил предложение о работе, которое ему сделал Карло Разини, владелец небольшого миланского банка *Rasini*. Отец Берлускони Луиджи долгие годы работал в этом банке и смог выслужиться до поста топ-менеджера.

Вчерашнему выпускнику Сильвио предложили пост кассира, но он отказался. Он мечтал выше. Берлускони мечтал о своей первой сделке и уже нашел перспективный участок земли в оживленном квартале Милана к западу от центра, на улице Альчиати. Он верил, что у проекта есть потенциал.

“Я помню, что только получил диплом в области коммерческого права”, – вспоминает Берлускони. Он смотрит на галерею из больших черно-белых снимков, которые висят на стене в его рабочем кабинете на вилле Сан-Мартино. Домашний двухэтажный офис – это его личное убежище на случай любой экстренной ситуации. В кабинете стоит громоздкий деревянный стол, в который встроены устаревший стереопроектор для грампластинок. Наверху спальня с ванной комнатой, джакузи и сауной. Рассматривая фотографии в рамках, Берлускони радостно жестикулирует. Он любит вспоминать свои первые шаги на рынке жилья, ведь первые миллионы он заработал именно на недвижимости.

Изначальный бизнес-план Берлускони был до невозможного прост. Карло Разини познакомил его с клиентом своего банка Пьетро Канали. Канали фактически не был предпринимателем, он выполнял подрядные работы в рамках скромных строительных проектов. Собственные проекты он никогда раньше не запускал. И тут появился Сильвио Берлускони.

Берлускони предложил Канали стать компаньонами и купить землю на улице Альчиати площадью практически с целый городской квартал. Специально для этого партнеры основали фирму и получили банковские кредиты на строительство четырех жилых объектов на этой земле. Берлускони не тушевался. Он хотел, чтобы у него и Канали были равные пакеты акций. Плюсом такого партнерства являлось то, что Канали был клиентом банка *Rasini*, где

работал отец Берлускони, что давало молодому Берлускони возможность потянуть за нужные ниточки. К тому же Карло Разини уже выказал ему свою симпатию, предложив работу в банке. Так Берлускони старательно собирал в голове мозаику: как лучше применить свои пока скромные связи для продвижения своего бизнес-плана.

“Я обсудил все с отцом и предложил Канали открыть совместную компанию. Я и название уже придумал, довольно удачное: *Cantieri Riuniti Milanesi*, то есть «Союз застройщиков Милана», – вспоминает Берлускони.

Канали с пренебрежением отнесся к его идее.

“В начале он предложил мне пять процентов, – рассказывает Берлускони. – Я ответил ему, что предпочел бы приписать к пятерке ноль, то есть хотел бы 50 процентов. Я рассчитывал владеть с ним компанией пополам. Он заявил, что это абсурд и что вообще я слишком молод, и спросил, где я собираюсь достать денег на проект. Я ответил, что сам найду землю и договорюсь о покупке, он запустит строительство, мои друзья-архитекторы все спроектируют, а я буду заниматься продажами. Я также добавил, что строительство не потребует больших инвестиций, если получить кредиты в банках и взять с покупателей жилья аванс. В конце концов он согласился. Он заявил, что, наверное, сошел с ума, но что я еще более безумен, если осмелился просить 50 %, и что двое сумасшедших могут-таки чего-то добиться.

Мы организовали встречу с банком, и основная проблема оказалась в том, что Канали раньше ничем таким не занимался. Зато я отлично подготовился: проверил все – от рыночных условий до стоимости того участка земли. Я даже связался с продавцом, которому в тот момент, видимо, очень нужны были деньги. Я все посчитал и отправился в Национальный трудовой банк, где попросил кредит на 500 миллионов итальянских лир. Мне предложили очень высокие процентные ставки, а директор банка посоветовал мне обсудить все с отцом и прийти с ответом на следующий день. А я не мог этого сделать. Отец упал бы в обморок, если бы услышал, что я пытался взять кредит на 500 миллионов лир”.

В итоге отец помог: “Отец дал мне тридцать миллионов лир, обналичив свои пенсионные накопления. Стартовый капитал нашего «Союза застройщиков Милана» составлял 50 миллионов лир. Благодаря отцу я внес половину, а вторую внес Канали”.

Карло Разини также помог их начинанию. Его банк предоставил компаньонам ипотечные кредиты и гарантии на 190 миллионов лир в виде инвестиций. Это покрыло расходы на покупку земельного участка.

К счастью для молодого Берлускони, его нового партнера Пьетро Канали и его отца Луиджи экономика страны крепла. Строительство недвижимости оказалось крайне удачной сферой для финансовых вложений. Ключом к успеху был выбор правильного момента. Милан был процветающей столицей преуспевающей Италии. Белый дом возглавлял Джон Кеннеди, в Германии возводили Берлинскую стену, Софи Лорен была самой яркой звездой итальянского кино, Феллини считался лучшим в мире режиссером, доходы людей росли, и многие итальянцы жили в сытости и достатке.

Получив начальное финансирование от банка *Rasini*, Берлускони стал готовиться к запуску строительства жилых домов на улице Альчиати. Бюджет у него был крошечный, поэтому к работе он привлекал университетских друзей и членов своей семьи. Ему помогали отец, дядя со стороны матери и двоюродный брат. Позднее, в начале 1970-х, он убедил своего друга детства Феделе Конфалоньери занять пост в его компании.

Берлускони умел не только очаровывать и уговаривать людей, он также знал, что такое работать днями напролет. Какой бы бизнес он ни запустил, он всегда брался выполнять самые разнообразные задачи. Он мог одновременно быть предпринимателем, организатором сделок, архитектором, декоратором, финансовым директором, прорабом, садовником и начальником отдела продаж, главным продавцом и промоутером. Однако больше всего Сильвио Берлускони любил продавать – это был его конек, его истинное призвание.

“Наша жизнь была полна приключений”, – Берлускони расплывается в широкой улыбке, как будто только что нашел золото. Он вспоминает жаркий июльский день 1961 года. Ему было 25 лет, и он красил свой офис продаж. Обнаженный по пояс, он стоял на приставной лестнице с кистью в руке.

“Итак, я начал строить дома на улице Альчиати. На площадке нужно было соорудить что-то вроде офиса продаж со стороны улицы, чтобы к нам могли заходить люди. Бюджет уже был пуст, поэтому по моей просьбе Канали привез нам древний вагончик с другой строительной площадки – фактически это была деревянная будка. Мы сделали, что смогли: я принес мебель из дома, чтобы внутри все выглядело поприличнее, а снаружи ее, конечно же, пришлось покрасить. Я выбрал свой любимый цвет – синий”.

Берлускони делает паузу, чтобы произвести больший эффект, и вновь широко улыбается.

“И вот я стоял на лестнице с кистью в руке в жаркий июльский день, раздетый по пояс в надежде немного загореть, пока крашу, и тут ко мне подошла пожилая пара. Они сказали, что их дочь выходит замуж и что было бы здорово ей поселиться здесь, поскольку они живут недалеко, немного вверх по улице. Они попросили рассказать им о будущих домах или дать нужные контакты. Но я же не мог признаться, что парень с кистью в руке – один из директоров фирмы, поэтому я сделал забавный голос и попросил их подождать, пока позову главного. Я быстро зашел в наш небольшой офис, привел себя в порядок, надел рубашку и галстук, затем вернулся и представился менеджером по продажам. Так я продал свою первую квартиру. Позднее мы с этой парой познакомились поближе, поскольку они были моими первыми клиентами, и мужчина сказал: «Знаете, когда я впервые пришел к вам на стройку, я там видел паренька, который был невероятно на вас похож. Он красил ваш офис»”.

Берлускони с большим оживлением пересказывает свой ответ озадаченному покупателю: “Я сказал ему, что, должно быть, он встретил моего двоюродного брата, который очень похож на меня, но не такой сообразительный. Так или иначе, но первая квартира была продана. Моим вторым клиентом стала мать моего друга Феделе Конфалоньери. Она пришла посмотреть, что мы строим”. Жестами и мимикой Берлускони изображает, как прогуливается с матерью Конфалоньери по пустой строительной площадке.

“Я устроил ей экскурсию по всему участку, показал, где будет находиться каждый из домов и где мы разобьем сад, шагами отмерил расстояние до места, где будут расположены внутренний дворик и гараж. Иными словами, показал ей все до последней мелочи. Ей понравилось все, кроме гаража. В конце концов она выкупила четыре квартиры, то есть целый этаж”.

В домах на улице Альчиати Берлускони продал около 100 квартир, это был успех. Он решил двигаться дальше. У него был деловой партнер Пьетро Канали и надежный источник кредитов банк *Rasini*, его бизнес-план оправдал себя. Он был готов покуситься на большее.

Берлускони построил четыре жилых дома, а в 1963 году взялся застроить целый городской квартал, создать небольшой “новый город” на 4–5 тысяч жителей. Его смелый план можно было осуществить на северной окраине Милана в городке Бругерио, расположенном по дороге к городу Монца, известному своей трассой “Формулы-1”. Для человека, которому не было и 30 лет, это был большой шаг вверх. В Берлускони уже видели стремительно восходящую звезду миланского рынка недвижимости, напористого и амбициозного молодого бизнесмена.

“Я задумался о более масштабном проекте. Мне хотелось, чтобы на стройплощадке был не только офис продаж, но и демонстрационная модель будущей квартиры. Мы планировали построить в четыре раза больше квартир, чем на Альчиати. Я мечтал создать что-то новое, разработать новые принципы городского планирования. Я вновь предложил Пьетро Канали стать моим компаньоном, и он согласился. Мы пригласили еще несколько акционе-

ров и основали компанию *Edilnord*, а будущий жилой комплекс назвали «Центро Эдилнорд». По правде говоря, мне не очень нравилось название *Edilnord*, но мои старомодные партнеры на нем настаивали”. С итальянского языка *Edilnord* примерно переводится как “Северное строительство”.

Канали стал держателем миноритарного пакета акций, а банк *Rasini* вновь взялся помочь с финансированием. Однако основная часть капитала для первого объекта *Edilnord* поступила от швейцарского доверительного фонда, который был расположен в тихом и живописном городке Лугано. Тот же фонд предоставил часть средств для строительства домов на улице Альчиати. У проектов *Edilnord* был сложный состав акционеров, часто речь шла о запутанной сети из холдингов, владеющих акциями друг друга, а акционерами холдингов нередко выступали члены семьи Берлускони. Позднее, уже будучи миллиардером, Берлускони будет отбиваться от неприятных вопросов судебных следователей относительно швейцарского стартового капитала *Edilnord*. Он будет категорически настаивать на том, что никаких правонарушений не было.

Другая часть неудобных вопросов будет касаться того, как Берлускони получал от местных властей различные разрешения и лицензии для своих строительных проектов. Однажды он лично упомянет, что в то время Милан был в руках коррумпированных чиновников.

“Проект *Edilnord* дался мне тяжело, зато мы строились за пределами Милана. До этого я поклялся себе, что никогда больше не возьмусь ничего строить в Милане, потому что из-за политических и бюрократических сложностей моя работа превращалась в кошмар”.

Вспоминая те времена, Берлускони со смущением и неприязнью смотрит на свои руки. “Чтобы получить все разрешения для строительства дома в Милане, нужно было обойти множество инстанций. И как я тогда говорил, обходить их надо было с конвертом наличности в зубах. Платить приходилось за каждый шаг, будь то сооружение канализации, установка новых уличных знаков или светофоров. Этому не было ни конца ни края. После такого мне очень нравилось вести дела в Бругерио, там можно было найти честных людей”.

Однако впереди Берлускони ожидали другие трудности. Пока шло строительство домов в Бругерио, рухнул рынок недвижимости. В 1960-е годы итальянская экономика росла вовсе не поступательно и плавно – периоды расцвета сменялись застоями. В конце 1963 года строительный сектор вошел во временную стагнацию.

“Мы столкнулись с большими проблемами, едва запустив проект. Нам пришлось очень туго, – рассказывает Берлускони. – Мне с трудом удавалось продавать квартиры, а мои партнеры хотели остановить строительство”.

В 1964 году Берлускони пришлось повоевать с нетерпеливыми инвесторами.

“Мои компаньоны предложили заморозить проект, поскольку на рынке недвижимости был застой. Они говорили, что продолжать бессмысленно. Но я был молод, для меня это было важно. Я не хотел выбрасывать белый флаг, едва запустив свой второй проект, – признается Берлускони. – Я попросил их подождать три месяца. Я задумал продать весь квартал одному покупателю, и мне не терпелось попробовать это осуществить. Было невозможно продать квартиры по одной на розничном рынке, но крупный пенсионный фонд мог бы выкупить весь жилой комплекс и потом сдавать жилье семьям. Я хотел попробовать вариант с пенсионным фондом и вариант продажи нашего бизнеса. Мои партнеры согласились дать мне три месяца, и в случае моей неудачи они бы ликвидировали компанию”.

Берлускони явно с большим удовольствием рассказывает, как он выкрутился.

На момент получения ультиматума от компаньонов он уже знал, в какой фонд и к кому конкретно он обратится. Не так давно президентом одного корпоративного пенсионного фонда был избран управляющий миланского рекламного агентства *Manzoni*. Именно это агентство за два года до этого выдало Сильвио приз в размере 500 тысяч лир за его диплом-

ную работу о договорном регулировании вопросов, касающихся рекламных блоков. Фирменная черта стиля Берлускони – разветвленная сеть друзей и знакомых, благодаря которым он решает свои проблемы.

“Я встретился с президентом пенсионного фонда в его офисе в *Manzoni* и поделился с ним своей идеей, – вспоминает Берлускони. – Я произвел на него хорошее впечатление, к тому же он принимал у меня устные экзамены перед защитой диплома, так что мы без труда нашли общий язык. Он подтвердил, что его пенсионный фонд покупает жилые дома, но только в Риме, а не в Милане. Я начал его уговаривать, упирая на то, что Милан стал престижным городом и что фонду было бы полезно перераспределить свои инвестиции. Он ответил, что это практически невозможно, что он совсем недавно стал президентом и пока его голос значит не так много, что совет директоров заседает в Риме и члены правления довольно тесно общаются с римскими застройщиками, что это жесткие люди и можно даже не пытаться их переубедить. Но я продолжил настаивать на своем. Я попросил его отправить одного из тех менеджеров в Милан, на мою стройку. Он пробормотал что-то про бесполезную трату времени, но в итоге сдался и свел меня с их генеральным директором. Тот парень и правда был очень несговорчивым, а еще он был просто огромного роста”.

Берлускони театрально съезживается и прикрывает голову рукой, как будто в страхе прячется от воображаемого гиганта.

“Его звали Додет. Он действительно приехал на мою строительную площадку, и ему все понравилось. Он похвалил нашу работу, но предупредил, что будет трудно уговорить членов правления инвестировать в недвижимость в Милане, а не в Риме. При этом Додет вел себя довольно агрессивно. Я умолял его привезти римских директоров на нашу стройку, и через неделю он передал мне, что они готовы приехать в Милан месяца через полтора. А затем мне сообщили, что делегация прибудет через три недели. Это был конец. Мне нужно было показать частично готовую строительную площадку. Мне кажется, я никогда в жизни не работал больше – те три недели я практически не спал”.

Берлускони привлек к работе знакомых архитекторов и приятелей из университета, всех своих строительных рабочих и, конечно же, родственников. Тети, дяди, двоюродные братья и сестры – помогали все. Работа кипела буквально днем и ночью, в три смены, круглые сутки.

“В течение тех трех недель никто из моих работников особо не спал, мы трудились в три смены по восемь часов, – Берлускони довольно улыбается. – Зато когда двенадцать членов правления фонда и тот великан Додет увидели нашу стройку, они не поверили своим глазам. Перед ними лежала огромная зеленая лужайка – для этого я купил у отцов-сезианцев целое футбольное поле. Мы вынули землю вместе с травой, словно это был искусственный газон, привезли на стройплощадку и просто посадили заново. Революционное решение по тем временам. Из Голландии мне привезли березы, а другие деревья и кустарники я взял в саду у друга, некоторые 12–13 метров высотой. Их мы высадили вдоль дорожек. Повсюду были расставлены горшки с цветами и проложены новые дорожки. Дома мы облицевали лучшей плиткой, а демонстрационные квартиры обставили мебелью и оформили в разных стилях: одну в классическом английском стиле, другую – в современном. Они были все разные, на любой вкус. Мебель мы одолжили у моих архитекторов, часть перевезли из дома родителей, часть – из тетиного дома. На кроватях в спальнях мы постелили простыни и разложили одеяла, в ваннных комнатах повесили полотенца, в столовых расставили тарелки и стаканы – все, что душе угодно”.

Распаленный Берлускони руками описывает круги над головой. Когда он рассказывает о своей маленькой хитрости, о своей “магии Берлускони”, то в его голосе появляются заговорщические нотки.

“Я даже подговорил своего друга из Флоренции, настоящего барона из Флоренции, изобразить консьержа, – признается Берлускони. – Вроде такого, который встречает вас у дверей в элитных старомодных отелях. И наших гостей из Рима ждал швейцар в униформе и фуражке с козырьком. У входа на участок я разместил табличку, на которой была выгравирована надпись на латыни: «Сегодня мы будем развлекаться. Работать мы будем завтра. Добро пожаловать». Все было сделано безупречно, абсолютно безупречно”.

Берлускони нужна была та сделка. На кону стояли его карьера и будущее компании *Edilnord*. Было крайне важно произвести хорошее впечатление на суровых членов правления, которые столь неожиданно нагрянули на стройплощадку. Итак, выполняя настойчивую просьбу президента фонда, двенадцать директоров против своей воли прибыли из Рима в Милан. Экскурсия по объектам *Edilnord* началась с напитков и канапе, однако завоевать сердца гостей было не так просто. Берлускони помнит свой разговор с заместителем председателя совета, который был настроен враждебнее остальных. Заместитель прогуливался по террасе одного из домов и остановился, чтобы выкурить сигарету “Астор” – тогда эта марка была популярна у изысканной римской публики.

“Мы беседовали на террасе, которую я лично спроектировал, – вспоминает Берлускони. – Там был стол для пинг-понга, датчики движения и даже современная инфракрасная система отопления, которая позволяла людям сидеть на террасе хоть зимой. Заместитель председателя стоял и курил сигареты «Астор», зажигая каждую следующую сигарету об окурки предыдущей. Он подозвал меня к себе и спросил: «Как ты мог заметить, я люблю эти сигареты. А теперь скажи-ка мне, парень, сколько миль мне придется пройти до ближайшей табачной лавки, чтобы купить себе пачку?» И залился смехом. Он был просто беспощаден. Но я быстро нашелся: «Если вы посмотрите вот туда, – сказал я, показывая рукой вдаль, – то вот на том углу мы планируем построить бар, где также будут продаваться табачные изделия». Он как-то неодобрительно хмыкнул, но в итоге отстал от меня, потому что я вовремя ввернул довольно смешную шутку про Неаполь”.

Берлускони был артистом и шоуменом от природы, однако даже ему было непросто реализовать одну свою задумку: показать боссам из Рима, что местные жители очень заинтересованы будущими домами. Так Берлускони надеялся убедить скептически настроенных членов правления приобрести недостроенную недвижимость во время кризиса.

“Я перфекционист по жизни, – заявляет Берлускони с гордостью. – Мне было мало произвести хорошее впечатление на директоров, я хотел показать им, что у нас в Милане неплохой спрос на жилье. Мне нужна была толпа заинтересованных покупателей. Я обзвонил всю родню, начиная с мамы, и попросил всех прийти на стройку *Edilnord* на следующее утро посмотреть на наши квартиры. И мои родственники пришли. Много родственников. Они прохаживались по территории, восхищались демонстрационными квартирами и в какой-то момент все оказались на террасе, где я общался с тем неприятным заместителем председателя, что курил «Астор». Он повернулся ко мне и сказал: «Здесь что-то не так. Я как будто на похоронах или на свадьбе. Только что пришла симпатичная девушка, которая как будто бы лично знакома со всеми покупателями. Она со всеми целуется и обнимается, как будто это ее родственники”.

Берлускони хохотал.

“Дальше притворяться было невозможно. Я попался, – признал Берлускони с улыбкой. – Пришла единственная кузина, которой я забыл позвонить. Другая кузина передала ей, что я устраиваю «семейную встречу» на строительной площадке *Edilnord*. И конечно же, та пришла и принялась целовать и обнимать родню”.

На лице Берлускони притворное огорчение.

“У меня не оставалось выбора. Пришлось рассказать заместителю председателя и остальным директорам, что я позвал своих родных. Естественно, я подчеркнул, что все

они действительно хотели посмотреть на дома, и здесь я не врал. После экскурсии члены правления выглядели довольными, а некоторые даже похвалили наш проект. Однако через несколько дней президент пенсионного фонда рассказал мне, что один очень важный человек, некто сеньор Манкузо, по-прежнему против. Возможно, он так упорствовал, потому что в Риме у него было все схвачено и он хотел вести дела только со своими приятелями. Этот Манкузо мог сорвать мне сделку”.

Берлускони никогда бы не остановился перед последним препятствием, тем более когда он уже очаровал весь совет директоров (умолчим о том инциденте с “семейной встречей”). Его новый план не уступал сюжетам Агаты Кристи. Он являлся ярким примером того, насколько Берлускони настойчив, предан делу и амбициозен и как при помощи стратегии и тактики он может заключить любую сделку. Берлускони всегда верил, что может решить практически любую проблему, если встретится с противником лично и пустит в ход свое оружие – очарование, лесть, угодливость и подвешенный язык. Так он мог договориться о чем угодно.

“Первым делом я отправился в Рим и попросил своих друзей найти секретаршу Манкузо и узнать ее телефон. Потом я приехал в Рим, «случайно» с ней познакомился и покорило ее сердце. Можно даже сказать, что некоторое время я за ней ухаживал”.

Берлускони лукаво улыбается.

“Когда она поддалась моим чарам, я признался, что мне на самом деле нужно, и уговорил ее забронировать мне билет на поезд, которым ее босс ездил из Рима в Милан каждые две недели. В пять часов вечера поезд отправлялся из Рима и к полуночи прибывал в Милан. Я поручил секретарше достать мне билет на следующий поезд Манкузо и отзвониться мне. Она позвонила. На следующий день я сел на самолет до Рима и как раз успел на нужный поезд. В вагоне-ресторане я сел так, чтобы потом оказаться прямо перед Манкузо. Я заметил его еще издалека, и выглядел он сердитым, это я хорошо помню. Слегка испугавшись, я спрятался за свою газету *Corriere della Sera*, чтобы Манкузо меня не заметил. Через несколько минут после отправления поезда я опустил газету и изобразил удивление: «О, уважаемый сеньор, какое совпадение!» Он посмотрел на меня: «О, мой враг!» Так началась наша беседа. Сначала разговор не клеился, но ехали мы долго, целых семь часов, и судя по всему, мне удалось его очаровать и склонить на свою сторону. В Милан мы приехали лучшими друзьями. Он рассказал мне историю своей жизни, и мы обсудили все на свете, включая мой строительный проект. Теперь Манкузо всецело поддерживал сделку и впоследствии ревностно ее защищал. Вскоре после той поездки пенсионный фонд купил весь мой проект. Сделка состоялась”.

Берлускони изображает вздох облегчения, чтобы акцентировать последнюю фразу: “Фуф!”

Без везения миллионы не заработать. В 1968 году, когда дома *Edilnord* в Бругерио были практически достроены, рынок недвижимости ожил и все квартиры, купленные пенсионным фондом, были сданы в аренду. Авантюра Берлускони дала плоды. Его имя становилось узнаваемым. Однако он, как водится, хотел большего.

Берлускони вынашивал грандиозные планы и мечтал строить города-сады и спальные пригороды вокруг Милана. Он доказал, что способен реализовать строительный проект среднего размера и даже продать его крупному инвестору во время кризиса. Совсем неплохо для молодого человека, которому не было и тридцати лет. Неисправимый ловелас, он начал ухаживать за скромной девушкой из пригорода, Карлой Эльвирой даль Ольо. В 1965 году они поженились, а затем родили двоих детей: дочь Марину в 1966 году и сына Пьера Сильвио три года спустя. Дела у Берлускони шли в гору, и как истинный сын миланской буржуазии, он завел свою первую семью.

В 1968 году жилой комплекс “Центро Эдилнорд” был достроен, и Берлускони основал новую компанию, *Edilnord Centri Residenziali Sas*. Владельцем фирмы значилась Лидия Борзани, 31-летняя кузина Берлускони, дочь сестры его матери Розы. Компания, которой она владела только на бумаге, получала финансирование от различных итальянских и международных инвесторов, включая тот швейцарский доверительный фонд из Лугано. В документах Берлускони среди владельцев не значился. Он с самого начала создавал эту компанию для осуществления иного проекта и уже заключил другую сделку. Берлускони купил внушительный участок земли на восточной окраине Милана, недалеко от аэропорта Линате, за три миллиарда лир (около двух миллионов долларов по тогдашнему курсу). Именно на этом участке Берлускони реализовал свой следующий проект. Если раньше он был просто застройщиком, который возводил жилые комплексы в Милане и его пригородах, то теперь он стал инноватором. Он познакомил Италию с концепцией городов-спутников, родившейся в Северной Европе и стремительно набиравшей популярность в Великобритании, Нидерландах, Германии и Франции в конце 1960-х годов. Берлускони планировал построить небольшой спальный микрорайон на несколько тысяч человек и оборудовать все дома по последнему слову техники, в духе Берлускони. И на этот раз его компания должна была стать и застройщиком, и владельцем, и впоследствии эксплуататором зданий.

“Я хотел строить новые города, претворять свои мечты в жизнь, – заявляет Берлускони. – В 1968 году опять начался период благополучия, спрос на недвижимость вырос. Благодаря проекту *Edilnord* я уже знал, что сначала необходимо оформить разрешение на строительство всего объекта. А это должен был быть целый новый автономный город со своими школами и торговыми центрами, парками и садами, площадями, церквями и больницами. Я собирался применить самые современные методы городского планирования, которые предполагали обустройство большого количества зеленых зон, дорог, велосипедных и пешеходных дорожек. Нашей задачей было построить место, где молодая мама могла бы отправлять своих детей в школу без опаски, где люди могли бы жить, работать, покупать еду и вещи, молиться, ходить в спортклубы, на теннисные корты и в бассейны, где было бы абсолютно все, что нужно любой семье. Согласно моему замыслу, в Милано-Дуэ можно было жить, не покидая его”.

Строительство Милано-Дуэ (или Милана-2) потребовало огромных финансовых вложений, начиная с трех миллиардов лир, потраченных на покупку земли. Однако для Италии этот инновационный проект ознаменовал начало новой эпохи. В 1973 году была сдана первая очередь Милано-Дуэ, и имя Берлускони прогремело на всю страну. Отныне итальянцы знали его как человека, который построил ультрасовременный и роскошный город-сад для десяти тысяч миланцев. Через несколько лет он получил итальянский эквивалент рыцарского титула за вклад в процветание нации, за строительство Милано-Дуэ. О прежнем Сильвио можно было забыть. Миру явился Кавальере Берлускони. Титул прочно прирос к его имени, поскольку итальянцы очень любят титулы. Так, Джанни Аньелли, в прошлом плеябой, а затем глава автоконцерна *Fiat*, принадлежащего его семье, носил звание “некоронованного короля Италии”. За Аньелли также закрепилось прозвище Адвокат, поскольку он имел степень юриста. Берлускони же стали повсеместно называть Кавальере.

С коммерческой точки зрения Милано-Дуэ стал крайне выгодным проектом. Каждые выходные десятки семей приезжали в отдел продаж с вопросами и хотели взглянуть на самые современные дома Италии. Люди стояли в очереди, чтобы посмотреть квартиры, и Берлускони без труда распродал все готовое жилье. Он наживал состояние. Он богател.

Для завершения проекта оставалось решить проблему, которая одновременно касалась и политики, и финансов. Из-за особого зонирования территории вокруг Милана городок Милано-Дуэ оказался под воздушным коридором аэропорта Линате. В часы пик самолеты вылетали из аэропорта каждые 90 секунд, что известным образом сказывалось на стоимости

квартир. Цены на жилье в Милано-Дуэ могли бы сами взлететь в небеса, если бы Берлускони удалось слегка скорректировать траекторию полета самолетов.

Берлускони невероятно повезло. Он познакомился с бизнесменом, который в прошлом был священником. Одни считали его провидцем, другие – мошенником. Как и Берлускони, этот священник попал в строительную индустрию и продавал мечты. Мечты и дома. Как и Берлускони, он умел очаровывать своих покупателей и крушить своих врагов.

На сцену выходит дон Луиджи Верзе.

Он был священником и обладал даром убеждения. Говорили, что дон Верзе был инициатором множества сделок и генератором множества идей в конце 1960-х и начале 1970-х, когда он сотрудничал с Берлускони, он практически был местной легендой. Он говорил от лица Бога, однако свои сделки с недвижимостью тоже любил. Два бизнесмена моментально нашли общий язык. Люди видели в доне Верзе щедрого филантропа, который строил больницы. Оппоненты считали его вероломным кардиналом Ришелье, коварным и влиятельным человеком, эго которого разрослось до размеров кафедрального собора.

В начале 1970-х дон Верзе намеревался построить инновационную некоммерческую больницу рядом с Милано-Дуэ и уже приобрел 4,5 гектара земли рядом с теми 72 гектарами, что Берлускони купил под свой город. Дон Верзе собирался назвать больницу “Сан-Рафаэль” в честь покровителя здоровья и медицины архангела Рафаила.

В первый же день знакомства Берлускони и дон Верзе поняли, что их объединяет общая задача: над их жилыми домами и госпиталем не должны летать самолеты. Обсудив ситуацию, они пришли к единому мнению, и компания *Edilnord* присоединилась к проекту “Сан-Рафаэль”. Через некоторое время Министерство транспорта Италии получило петицию с просьбой переместить воздушные коридоры Линате, подписанную пациентами Сан-Рафаэль и жителями Милано-Дуэ. Берлускони и дон Верзе неоднократно ездили в Рим, где встречались с представителями Управления гражданской авиации, ВВС Италии и авиакомпании *Alitalia*. В Милане они много общались с городскими и областными чиновниками, губернатором региона, с сотрудниками органов здравоохранения и городского планирования. Они объединили свои силы, чтобы пролоббировать нужное им решение, и в конце концов добились своего. 30 августа 1973 года правительство выпустило директиву, которая предписывала, что новые траектории полетов не должны проходить над землей Берлускони и дона Верзе.

Берлускони помнит, как они с доном Верзе встретились и как сразу пришли к взаимопониманию.

“Мы познакомились, потому что я искал человека, который был готов построить больницу рядом с Милано-Дуэ, – объясняет Берлускони. – Мы друг другу понравились и стали друзьями. Вместе нам удалось многое сделать для больницы, например установить систему очистки воды. За долгие годы мы сделали много вещей и всегда оставались друзьями”.

Внезапно Берлускони помрачнел.

“Мы много лет работали над одним проектом, однако из-за смерти дона Верзе завершить его не получилось. Мы собирались открыть исследовательский центр, где ученые должны были придумать, как жить до 120 лет и при этом с хорошим качеством жизни. Мы все спланировали. Мы купили землю под Вероной и запустили проект. Мы привлекли к работе лучших геронтологов, самых известных и самых талантливых. И тут дон Верзе умер”.

В 1973 году, когда дон Верзе был еще жив, империя недвижимости Берлускони росла и крепла не по дням, а по часам. В апреле того года он убедил своего друга детства Феделе Конфалоньери начать работать на него. Конфалоньери держал небольшую текстильную компанию, и дела его шли не очень хорошо, поэтому он согласился скооперироваться со старым приятелем. Ближайший единомышленник Берлускони вернулся домой.

Берлускони стал известным на всю страну застройщиком, строительным магнатом. Архитекторы и городские планировщики осыпали его похвалами за Милано-Дуэ. Однако и споров вокруг проекта было немало. К изменению воздушных коридоров Линате не очень хорошо отнеслись в местном городском совете, и жители соседнего города Сеграте тоже были не в большом восторге. Обвинения во взяточничестве и ненадлежащем лоббировании своих интересов будут преследовать Берлускони в течение многих лет.

“Я не давал взятки, – твердо стоит на своем Сильвио Берлускони. – Я потратил очень много сил, чтобы получить все разрешения. Я непрестанно беседовал и спорил с представителями городского совета Сеграте. Я много встречался с местными жителями. На меня даже как-то напали участники митинга, которые выступали против моего проекта. Но я не дал ни одной взятки”.

Со взятками или без, но благодаря Милано-Дуэ Берлускони стал настоящим богачом. Его дела шли неплохо и в 1960-х годах, но в 1973 году он заработал целое состояние на продаже квартир первой очереди Милано-Дуэ. С того момента он зажил красивой жизнью богатых и знаменитых. В 1973 году адвокат Чезаре Превити, еще один друг Берлускони с сомнительной репутацией, помог ему приобрести роскошную 70-комнатную виллу Сан-Мартино в деревне Аркоре. Берлускони становился видным человеком, итальянским Дональдом Трампом, немного экстравагантным, но это было неотъемлемой частью его личности.

В 1974 году Берлускони переехал на виллу Сан-Мартино, прекрасно обставленный особняк, щедро украшенный произведениями искусства. Дом он зарегистрировал на имя специальной компании, на которую было записано немало других домов. К тому моменту Берлускони уже помогали его друг детства Феделе Конфалоньери и его младший брат Паоло, который взял на себя часть административных функций в Милано-Дуэ, а затем подключился к проекту по строительству Милано-Трэ, а также занимался несколькими торговыми центрами и офисными зданиями.

По словам Конфалоньери, Берлускони заскучал. Он не мог спокойно сидеть на одном месте, постоянно жаждал чего-то нового и начал расширять свои инвестиционные горизонты. Он стал владельцем театра “Манзони”, расположенного в центре Милана, и купил долю в национальной газете, редактором которой был легендарный итальянский журналист – ироничный Индро Монтанелли. Берлускони основал несколько компаний, чтобы осуществить очередные проекты в сфере недвижимости.

Из специалиста по переговорам и сделкам он превратился в короля недвижимости, итальянского Дональда Трампа. Однако приобретенные деньги и слава не доставляли ему радости. Берлускони искал новую труднодостижимую цель и нашел ее. Он взялся создать внутреннюю систему видеонаблюдения для жителей Милано-Дуэ.

“С этого началась моя телевизионная империя, – говорит Берлускони. – Сначала мы организовали автономную систему видеонаблюдения, которая позволяла родителям, не выходя из дома, присматривать за детьми. При помощи телевизора можно было следить, что дети делают в школе, на игровой площадке или в бассейне. Мы даже транслировали мессы из местной церкви. Людям это очень нравилось. И мне тоже. Я окунулся в индустрию телевидения, разобрался с тем, как работают студии, какое нужно оборудование, и стал присматриваться к рынку местного телевидения, изучать перспективы его развития”.

Итальянское телевидение было государственным, однако в 1974 году Конституционный суд Италии вынес историческое решение по противоречивому судебному делу о небольшом кабельном телеканале городка Бьелла. Город располагался в регионе Пьемонт и был известен производством текстиля. Суд разрешил каналу продолжить вещание независимо от государства – этот случай всколыхнул всю страну. Не стоит забывать, что даже в 1970-е итальянские телеканалы находились под контролем огромной государственной телекорпорации *RAI*.

“Берлускони пристально следил за ходом судебного разбирательства, – вспоминает Феделе Конфалоньери, – и впервые в истории все выглядело так, будто государство можно было лишить монополии на телевидение. Интуиция не подвела Берлускони: он моментально увидел возможность открыть новый бизнес. Он использовал внутреннюю кабельную сеть Милано-Дуэ и частоту небольшого телеканала, купленную им в 1978 году. В результате появился местный коммерческий телеканал *Telemilano 58*. Вы даже не можете себе представить, как революционно это было тогда. Законодательство все еще запрещало частным каналам вещать в прямом эфире или выпускать новостные передачи. Однако к 1979 году Берлускони был готов объявить войну государственному телевидению, что подразумевало и политическую борьбу. На это мог пойти только очень смелый человек – смелый, но безумный”.

Планы Берлускони были традиционно амбициозны. На этот раз он собирался переиграть всю государственную систему.

“У нас в Италии, как и везде в Европе, существовало только государственное телевидение, – рассказывает Берлускони. – Правительство обладало монополией, и никто никогда даже не думал это изменить. Что еще хуже, телеканалы контролировались политическими партиями, каждый сотрудник любого канала обязательно был братом, кузеном, родственником или близким другом какого-нибудь политика. Казалось невозможным покорить Эверест, то есть потеснить государственную вещательную компанию. Думаю, последующие события можно было назвать битвой титанов”.

Битва действительно получилась эпохальной и весьма неоднозначной, а Берлускони тем временем заработал миллиарды. Он фанатично скупал небольшие телеканалы по всей стране. После покупки достаточного количества каналов он был готов сделать следующий шаг – отнять у государства монополию на телевидение и превратиться из короля недвижимости в медиамагната.

В процессе он создал первую крупную сеть коммерческого телевидения в Европе.

Глава 3

Медиамагнат

Пока мы не запустили свою телесеть, в Италии, как и во многих других европейских странах, существовало только государственное телевидение, – рассказывает Сильвио Берлускони, сидя на шикарном диване в великолепной барочной гостиной виллы Сан-Мартино. – В полночь телевещание прекращалось, а по утрам домохозяйкам было совершенно нечего посмотреть. Скучные были времена”.

Он намеревался сыграть на том судебном деле 1976 года, когда Конституционный суд Италии позволил частной коммерческой телестанции транслировать свои передачи. В те времена телевидение было по большей части черно-белым. Итальянская экономика активно развивалась только последние десять лет, страна находилась в процессе индустриализации. До появления цветного телевидения оставалось еще несколько лет. Существующие каналы показывали преимущественно образовательные передачи, консервативные и назидательные. Одна известная программа компании *RAI* называлась “Никогда не поздно”. Ее ведущий, учитель начальной школы Альберто Манци, учил зрителей читать и писать. Многие рабочие из аграрных районов страны, которые приезжали в города на заработки, были неграмотными. Такие телепередачи выполняли социальную функцию и помогали большому количеству необразованных людей. Италия все еще оставалась страной рабочих и их господ-феодалов. Как и по всей Европе, здесь набирал популярность еврокоммунизм. Кремль финансировал Итальянскую коммунистическую партию, в то время как американское ЦРУ, в противовес Советам, тайно помогало Христианско-демократической партии Италии. В стране орудовали “Красные бригады”, леворадикальные вооруженные образования, которые были итальянским аналогом немецких террористических группировок Баадера – Майнхоф и французской организации “Прямое действие”.

Католическая церковь активно участвовала в политической жизни страны. Ватикан боролся против легализации разводов, пропагандировал семейные ценности, сотрудничал с христианскими демократами и постоянно вмешивался в дела государства, словно церковь была отдельной политической партией. Целомудренное черно-белое телевидение как нельзя лучше вписывалось в христианскую мораль, которая во главу всего ставила семью. Итальянцы – натуры страстные, они любят покутить и часто ведут себя шумно и вызывающе. Однако их верховные владыки из Рима предпочитали умеренность во всем, а именно они контролировали итальянского телемонополиста *RAI*.

В полночь телевещание прекращалось и по всем каналам начинала звучать увертюра из оперы “Вильгельм Телль” Россини, после этого на экране на всю ночь замирала испытательная таблица *RAI*. Изредка можно было услышать шум помех или пронзительный звуковой сигнал, который напоминал сонным зрителям, что пора выключить телевизор.

Телевидение практически всех европейских стран было таким же пресным и консервативным. Только в Великобритании и Люксембурге некоторые коммерческие каналы пытались конкурировать с государственными.

В 1970-е годы европейцы считали телевидение коммунальной услугой, такой, как, например, водо- и энергоснабжение или стационарная телефонная сеть. В Италии, Франции и Германии оно входило в стандартный пакет товаров и услуг, который от имени государства формировали компании, подконтрольные правительству. Телевидение, в частности ежедневные вечерние новости, служило ораторской трибуной для правящих политиков.

Все это означало, что в итальянской телеиндустрии практически не было рекламы. Не существовало коротких 30–60-секундных видеороликов, и рекламу показывали раз в день.

Сейчас это кажется необычным. Около девяти часов вечера *Rai Uno*, главный телеканал Италии, показывал рекламный блок “Карусель”, который длился около 12 минут и состоял из 2–3 роликов, где играли известные актеры и певцы. Знаменитости представляли продукт и рассказывали о его достоинствах – достаточно примитивная форма рекламы. Например, всем надолго запомнилась реклама ликера “Чинар” со вкусом артишоков. Актер сидел за столиком на улице у переполненного бара и расхваливал тонизирующие свойства ликера, а затем заказывал свой любимый аперитив, то есть название напитка упоминалось только один раз. Вот и весь ролик.

“Реклама на государственных каналах не увеличивала продажи рекламируемых продуктов. А все потому, что ролики часто были безликими и скучными, а название бренда показывалось всего один-два раза. Тогда мы говорили, что смотреть ту рекламу было как писать в штаны, – невозмутимо заявляет Берлускони. – Жить вроде как стало приятнее, но никто ничего не заметил”.

Сильвио Берлускони, отец коммерческого телевидения Италии, никогда не пытался скрыть свое презрение к государственным каналам.

В 1977 году эфир кабельного телеканала в Милано-Дуэ был заполнен музыкальными конкурсами и телевикторинами. Берлускони решил расширить территорию охвата своего канала, для чего купил местную ТВ-частоту и установил антенну на крыше миланского небоскреба Пирелли. Его канал, получивший название *Telemilano 58*, начал вещать на весь город и пригороды.

В 1978 году, когда Берлускони запустил *Telemilano 58*, его старшей дочери Марине было 12 лет. Она помнит, как в восемь часов вечера села смотреть мультфильм “Бетти Буп”, которым открывался эфир нового канала. Вместе с ней мультик смотрел ее девятилетний брат Пьер Сильвио по прозвищу Дуди.

“Мы с братом сидели на диване в гостиной на вилле в Аркоре, – рассказывает Марина. – Отец был на деловом ужине, поэтому «Бетти Буп» мы смотрели вдвоем. Помню, он звонил нам раз тридцать. Перезванивал каждые пять минут, чтобы удостовериться, что мы сидим на диване и смотрим мультик, и каждый раз задавал нам очередной вопрос: не прерывается ли сигнал, какого качества картинка, хороший ли звук. Он очень волновался. Он действительно верил, что совершает прорыв, и весь вечер очень нервничал”.

Марина помнит, как ее отец самостоятельно изучал рынок, опрашивая близких родственников и друзей.

“Когда Сильвио Берлускони только окупился в мир телевидения, он не доверял ни маркетинговым агентствам, ни различным исследованиям рынка. Программу канала он обсуждал с нами, со своими детьми. Он интересовался, что нам нравится, общался с друзьями и семьей, расспрашивал всех вокруг”.

Марина вспомнила что-то еще и усмехнулась.

“Что мне особенно запомнилось, – она уже смеется в полный голос, – отец был, наверное, единственным родителем, который был счастлив, когда его дети сидели перед телевизором! Возвращаясь домой по вечерам, обычно около восьми часов, он надеялся, что мы смотрим телевизор. Он даже уговорил маму разрешить нам ужинать перед экраном. На нас он проводил свои исследования, расспрашивал, какие каналы мы смотрели и какие программы”.

Берлускони не доверял системе. Так часто поступают люди, которые всего добились сами, начав с нуля, которые создали целые новые отрасли и возглавили их. Он игнорировал мнение своих ближайших советников и консультантов. Берлускони любил все делать по-своему. Эффектно и с размахом.

В 1979 году он переманил к себе известного ведущего *RAI* Майка Бонджорно и сделал его звездой своего нового канала. Родившийся в Америке весельчак с забавным именем вел телевикторины со знаменитостями, что увеличивало зрительскую аудиторию *Telemilano 58*. Напористый и амбициозный Берлускони стал надоедать телемонополисту из Рима, поскольку был твердо намерен поколебать позиции государственного ТВ и вывести частные телеканалы на рынок. С самого начала он вел дела жестко и уверенно. Исход их противостояния решался в битве за деньги рекламодателей.

“После запуска *Telemilano 58* мы начали искать местных рекламодателей, – вспоминает Берлускони. – Мы предлагали потенциальным клиентам совершенно новые схемы сотрудничества, компания *RAI* работала иначе. Без знакомств и связей нельзя было купить эфирное время государственного канала и показывать свою рекламу. Лишь несколько компаний имело доступ к *RAI*, и чтобы попасть в особый список, нужны были связи, главным образом политические”.

Берлускони садится на край дивана и делает заговорщическое лицо.

“Во главе рекламного комитета *RAI*, который назывался *Sipra*, стоял один полковник. Его звали Джованни Фьоре. Он единолично принимал все решения по рекламе. Мой друг как-то встретился с ним, чтобы купить эфирное время в вечерней «Карусели». Фьоре велел ему вернуться через месяц. Когда мой друг вернулся в назначенное время, Фьоре заявил: «Я прошу прощения, но мы собрали о вас некоторую информацию, и похоже, вы не добропорядочный католик». Мой друг попросил разъяснений. Не моргнув глазом, Фьоре сказал, что со слов его информаторов, указанный бизнесмен не посещает воскресные церковные мессы. Мой друг подождал еще месяц и вновь пришел к Фьоре. На этот раз Фьоре заявил: «Да, могу подтвердить, что вы действительно ходили на мессы, но, кажется, ни разу не причастились». После этого мой друг еще раз сходил в церковь, съел облатку и, наконец, смог купить 15 показов своей рекламы в «Карусели» на *RAI*”.

Берлускони всем своим видом показывает, что сказал достаточно. Однако на этом его претензии к *RAI* не исчерпаны.

“*RAI*, как и любая европейская государственная вещательная компания, – продолжает Берлускони, – считалась собственностью политиков. В телеиндустрию могли попасть только друзья журналистов, приятели политиков и бизнесмены, которые с этими политиками тесно общались”.

В Милане открытие первого коммерческого канала в 1979 году стало настоящим событием, и Берлускони начал скупать телестанции по всей Италии. Он не собирался играть по правилам системы. Он собирался установить свои правила и сделать все по-своему.

“Когда суд вынес то решение, интуиция Берлускони подсказала ему, что государственную монополию на телевидение можно пошатнуть, – вспоминает Феделе Конфалоньери. – Он верил, что либерализация рынка несет уникальные бизнес-возможности. Однако в 1979 году, когда Берлускони задумал потягаться с *RAI*, кардинально что-либо изменить мог только очень и очень смелый человек. Он понимал, что демонополизация ТВ дает ему шансы достичь определенного успеха в отдельных регионах, однако этого было недостаточно, чтобы построить по-настоящему крупный бизнес и получать высокие доходы. Тогда Берлускони объединил несколько региональных телестанций. Закон запрещал частным телеканалам вещать в прямом эфире и делать выпуски новостей, однако показывать предварительно записанные передачи разрешалось. Берлускони предстояло решить, как заработать на рекламе, имея в распоряжении только небольшие региональные каналы, где эфирное время стоило недорого”.

Для получения заветных рекламных доходов Берлускони необходимо было выйти на общенациональный уровень, поэтому он унифицировал программу передач на своих регио-

нальных каналах. Со стороны казалось, что он действительно создал единую национальную телесеть.

Записи с мыльными операми и телепередачами своевременно доставлялись на местные телеканалы и везде транслировались одновременно. Для перевозки записей приходилось использовать мотоциклы, грузовики, поезда, а иногда даже частные самолеты. Так Берлускони удавалось синхронизировать эфир всех своих каналов, чтобы казалось, будто его телесеть действительно охватывает всю Италию. Зрители с противоположных концов страны как будто бы смотрели один и тот же телеканал, хотя на самом деле региональные каналы просто показывали одни и те же программы.

“Мы заранее записывали передачи и развозили пленки на местные каналы, и все выглядело так, будто мы создали национальную телесеть. Отныне мы могли предлагать эфирное время таким крупным рекламодателям, как *Coca-Cola*, – рассказывает Берлускони. – Я собирался покуситься на часть тех огромных денег, что крутились в итальянском рекламном бизнесе, и ради этого мне пришлось изобрести искусственный прямой эфир. Мы записывали передачи так, будто они шли в прямом эфире, и когда региональные телестанции одновременно проигрывали наши пленки, зрители верили, что смотрят прямую трансляцию”.

Имитация прямого эфира и синхронизированное вещание позволили Берлускони делать выгодные предложения рекламным агентствам. Однако те не спешили соглашаться, поскольку привыкли играть по своим правилам и самостоятельно командовать парадом. Условия Берлускони их не устраивали. Тогда ему вновь пришлось изменить правила игры. В 1979 году он основал компанию *Rete Italia* и начал скупать телевизионные права на голливудские блокбастеры, мыльные оперы, телеигры и комедии. Берлускони приобретал развлекательный контент, при помощи которого планировал воевать с *RAI*. Затем он создал собственное рекламное агентство *Publitalia* и в услугах других подобных агентств больше не нуждался. Отныне он общался напрямую с рекламодателями. И ему было что предложить своим клиентам. Эфир каналов Берлускони был заполнен интересными передачами и фильмами, а его команда умела снимать современные рекламные ролики.

“Рекламные агентства обычно снимали с клиентов баснословные суммы, а телеканалам переплачивали жалкие гроши, – вспоминает Берлускони. – Все было в руках этих агентств, и я решил перевернуть схему с ног на голову. Сделать это было довольно сложно, и сначала дела шли медленно. По-настоящему мы развернулись только года через три. Новым клиентам я предлагал стартовые пакеты услуг. Например, крупные компании могли воспользоваться пакетом «Коммерческие риски». Все риски мы брали на себя, клиент получал скидку 80 %, а мы давали обязательство вернуть деньги, если после запуска рекламы на наших каналах продажи клиента не увеличивались”.

Телесеть Берлускони охватывала всю страну. При помощи рейтинга Нильсена можно было подсчитать количество зрителей, были инструменты и для оценки прочих рыночных показателей. Агентство Берлускони предоставляло рекламодателям комплексные услуги, начиная с производства рекламных роликов и заканчивая выбором самого удачного времени для их показа. Берлускони совершил тройную революцию на рынке рекламы: развернул национальное телевещание, начал подбирать время для показа роликов и кардинально изменил характер и стиль телеконтента. Прошли времена черно-белой рекламы и видеороликов с известными актерами. В моду вошел стиль Мэдисон-авеню¹, и новая итальянская реклама стала походить на американскую – эффектную и напористую, полную красивых женщин, фанфар и мишуры. Берлускони работал с крупнейшими брендами и снимал для них броские и убедительные рекламные ролики. Итальянцы были в восторге.

---

¹ Мэдисон-авеню – улица на Манхэттене, где в середине XX века располагались самые успешные рекламные агентства США.

Берлускони знал, что делает. Певец с круизных лайнеров покорил сферу недвижимости, а затем органично и успешно влился в мир шоу-бизнеса и телевидения. Он хорошо понимал вкусы своих зрителей, хотя порой речь шла скорее об отсутствии вкуса. В 1979 году он отправил в Голливуд своих бывших одноклассников и ветеранов проекта Милано-Дуэ – покупать права на американские фильмы. Берлускони боролся с *RAI* за право транслировать футбольные матчи в прямом эфире, и ему даже удалось опередить *RAI* в гонке за популярный телесериал “Даллас”, а главным спонсором показа стала *Coca-Cola*. Позднее на его телеканалах также шли сериалы “Династия” и “Дерзкие и красивые”, а субботними вечерами зрителям предлагалось претенциозное телешоу с полуобнаженными артистками варьете и доступным рабочему классу юмором. Это работало.

К 1979 году в ведении Берлускони было несколько региональных телестанций, которые он зарегистрировал под новой торговой маркой, которая станет самым дорогим его брендом: *Canale 5*, то есть “Пятый канал”. Довольно скоро на всех телеканалах Берлускони в углу экрана появился небольшой логотип *Canale 5*, который также сопровождал все новые эпизоды популярных сериалов. В будущем Берлускони будет использовать этот логотип во всех своих проектах и компаниях. Основой для логотипа, изображавшего змея, поедающего цветок, послужил герб миланского аристократического рода Висконти, известного с XI века. Схожий сюжет присутствовал на гербе Милана и даже на значке *Alfa Romeo*, который украшал решетку каждого автомобиля концерна. Змей станет символом медиаимперии Берлускони.

В конце 1970-х он основал новую семейную холдинговую компанию *Fininvest*, которая занималась всеми его проектами в сфере телевидения. Главными компаньонами Берлускони по-прежнему оставались его друзья Феделе Конфалоньери и Марчелло Дель Утри. С Конфалоньери Берлускони встретился в салезианской школе в возрасте 12 лет, и с тех пор они практически постоянно работали вместе. Дель Утри учился вместе с Берлускони в университете, а в 1980-е управлял его новым семейным рекламным агентством *Publitalia '80*, которое переняло эстафету от *Rete Italia*. Однако мечта Берлускони о национальной телесети стала реальностью благодаря еще одному человеку. В наши дни он больше известен как бессменный вице-президент футбольного клуба “Милан”, однако тогда он был мелким предпринимателем из Брианцы, сельского района Ломбардии. Он занимался поставками оборудования для телевидения, а также строительством и обслуживанием телевизионных передатчиков и ретрансляторов. Его главным клиентом была небольшая телекомпания *TeleMontecarlo* из Монако. Человека, который реализовал мечту Берлускони, звали Адриано Галлиани.

“Я впервые встретился с Галлиани прямо здесь, в этой комнате, в ноябре 1979 года, – Берлускони поудобнее усаживается на диване. – Его компания называлась *Elettronica Industriale* и поставляла промышленное оборудование. Он приехал, чтобы предложить мне свои услуги. Мне кажется, что мы сошлись характерами и быстро стали понимать друг друга с полуслова. Адриано Галлиани был настоящим бизнесменом и брианцем, незаурядным и очень талантливым. Мы точно были на одной волне”.

Галлиани, общительный лысый мужчина в изысканном синем костюме и желтом галстуке, рассказывает мне об их первой встрече с Берлускони, которая состоялась во второй половине дня в четверг 1 ноября 1979 года, то есть в День всех святых. На улице было холодно и мрачно, вдоль дороги к вилле Сан-Мартино плотной стеной висел туман.

“Тот день навсегда отпечатался в моей памяти, – признается Галлиани. – Я поставлял высоковольтную аппаратуру для *TeleMilano*, и однажды Берлускони предложил мне встретиться на его вилле в Аркоре. Хотя он был моим клиентом и я что-то читал о нем, лично мы не были знакомы. Я не знал, чего он хочет. Феделе Конфалоньери тоже присутствовал при разговоре. Накануне я вернулся из Токио, где проходила конференция по электронике, и еще не приспособился к местному времени. Берлускони предложил мне сесть и тут же

напрямую спросил, могу ли я построить систему телевизионного вещания для трех национальных каналов. Согласно его логике, раз у *RAI* было три канала, а он хотел конкурировать с *RAI*, то и ему нужно было действовать с тем же размахом. Я заверил Берлускони, что могу создать такую систему, и он моментально заявил, что хочет купить 50 % моей компании. Он был готов заплатить любую сумму. Я смотрел на него с минуту, а затем почему-то назвал цену в миллиард лир. «Отлично!» – сказал он. Сделка состоялась. Мы пожали друг другу руки, и я уехал. Так и началось мое приключение. Вскоре после этого мы запустили первый национальный коммерческий канал *Canale 5*”.

На самом деле Галлиани не строил три канала с нуля. Два из них Берлускони купил, а Галлиани их расширил. Однако именно он сыграл ключевую роль в создании национальной телесети Берлускони. В 1982 году издательская группа *Rusconi*, которая без особого успеха издавала журналы в Милане, продала Берлускони канал *Italia 1*, его второй канал. Берлускони, как обычно, не собирался останавливаться на достигнутом. Следующим он купил канал *Rete 4*. Канал ему за бесценок отдало легендарное издательство *Mondadori*, которое нуждалось в деньгах, а конкурировать со спецэффектами помпезного *Canale 5* им было не под силу. Старомодные миланские издатели умели выпускать бестселлеры, но совершенно не знали, что делать с коммерческими телеканалами. Поэтому они их продавали. А Берлускони покупал.

Не прошло и пяти лет с их первой встречи, как Галлиани претворил мечту Берлускони в жизнь. Осенью 1984 года Берлускони стал гордым владельцем трех национальных каналов – столько же было у *RAI*. Флагманом молодой телеимперии считался *Canale 5*, однако вульгарная смесь из комедий, полуобнаженных танцовщиц и мыльных опер делала свое дело – каналы *Italia 1* и *Rete 4* улучшали свои позиции на рынке.

В 1980 году телеканалы Берлускони смотрело 13 % итальянцев, а государственные каналы *RAI* – более 80 %. За два года количество зрителей *RAI* упало до 63 %. К 1984 году предпочтения аудитории разделялись практически поровну, вдобавок Берлускони мог похвастаться тем, что его каналы вещали на всю страну. Доходы от рекламы взлетели к небесам, *Publitalia* преуспевала. В начале 1980-х годов Берлускони каждый последующий год зарабатывал на рекламе на 48 % больше, чем в предыдущий. С 1980 по 1984-й эта сумма выросла с 6 миллионов евро до 455 миллионов. За следующие 4 года эта сумма удвоилась.

К середине 1980-х в Италии, Америке, Великобритании и большинстве стран Западной Европы значительно улучшился уровень жизни. Развивалась культура потребления – люди охотно покупали мечту, которую им навязывала телереклама. Берлускони продавал альтернативную реальность, образ жизни богачей из “Далласа”, которые жили среди роскоши и китча и наслаждались обществом красивых женщин. Он заработал целое состояние. Реклама, рассчитанная на широкого потребителя, появилась как раз тогда, когда подросшее поколение “беби-бумеров” разбогатело и стало готово платить за товары, рекламируемые на *Canale 5*, *Italia 1* и *Rete 4*. Берлускони предлагал красочную альтернативу итальянскому государственному телевидению, а в это время в Великобритании коммерческие телесети *London Weekend Television* и *ITV* пытались пошатнуть позиции *BBC*.

В 1984 году Берлускони все еще не был вхож в круги итальянской элиты и считался авантюристом-одиночкой, хотя уже заработал репутацию влиятельного бизнесмена. Коммерческим каналам запрещалось вещать в прямом эфире и выпускать новости, однако Берлускони удалось потеснить государственного монополиста *RAI* и отвоевать себе долю рынка. С юридической точки зрения Берлускони закон не нарушал. Однако он шел в обход закона, который наделял *RAI* исключительным правом на национальное телевидение.

Берлускони сделал вклад в итальянскую культуру, подарив стране цветное телевидение. Миллионы итальянцев увидели на экранах всю палитру пастельных оттенков и узнали о технологии цветного кино “Техниколор”. Берлускони скопировал стиль американской

рекламы и привез его в Италию, привыкшую к пресному и целомудренному государственному телевидению. Он навлек на себя гнев утонченных интеллектуалов и любителей “радикального шика”, поскольку неустанно скупал права на развлекательные фильмы. Он создал моду на телевикторины. Классическим примером телевикторины считалась игра “Колесо Фортуны”, которую Майк Бонджорно создал на основе аналогичной американской передачи Мерва Гриффина. Итальянцы жаждали зрелищ, а Берлускони каждый день дарил им праздник – красивых девушек, музыку, песни и танцы.

Конфалоньери признает, что некоторые ранние передачи Берлускони были сделаны немного топорно, зато в том бледном и скучном мире это выглядело неординарно и прогрессивно.

“Вы должны понять, что тогда все было иначе, – поясняет Конфалоньери. – До 1980-х итальянская экономика была на спаде, итальянцы жили бедно и аскетично, террористы из «Красных бригад» держали страну в страхе, большое влияние на общество оказывала Итальянская коммунистическая партия. В таком контексте Сильвио Берлускони выглядел революционером. Он запустил коммерческое телевидение, то есть объявил войну *RAI* и пошел против господствующей культуры и идеологии правящих элит. Он предлагал альтернативный образ жизни, что само по себе было политическим шагом”.

Конфалоньери считает, что именно тогда началась политическая карьера Берлускони. Его эпатажное и неприкрыто коммерческое телевидение покоряло Италию и бросало вызов консервативному христианско-демократическому мировоззрению.

“Телевидение Берлускони воспевало потребительство. Это было телевидение ярких и эффектных рекламных роликов. Телевидение жизнеутверждающее, праздничное и проамериканское, пропитанное неумным и напористым американским оптимизмом. Это была полная противоположность мрачной идеологии того времени, при всем моем уважении к коммунистам и католикам. Иными словами, революция началась именно с телевидения, не только культурная, но и настоящая политическая революция”.

Далеко не все были согласны с мнением Конфалоньери. Снобы из итальянской деловой и финансовой элиты продолжали считать Берлускони карьеристом, выскочкой и чужаком. Да, он стал миллиардером и медиамагнатом, но его родители не принадлежали к состоятельному классу. Берлускони был объектом насмешек со стороны уважаемых миланских семей, ему отказывали в такте и вкусе.

Однако в 1984 году Берлускони поддерживал близкие отношения с одним очень влиятельным представителем итальянской элиты – социалистом Беттино Кракси, свежееизбранным премьер-министром Италии. Они с Берлускони достаточно тесно общались.

Широкоплечий и лысый Кракси носил очки. Он был упрям и уверенно председательствовал в несговорчивом правительстве, которое состояло из пяти коалиций – отсюда название *Pentapartito*. Кракси был социалистом, который поддерживал бизнес-инициативы, в этом он на десять лет опередил Тони Блэра, будущего премьер-министра Великобритании.

Некоторое время Берлускони и новый премьер-министр были довольно хорошими друзьями. Берлускони считался чем-то вроде спонсора или мецената Кракси, и члены их семей также очень много общались. Летом 1984 года премьер-министр стал крестным отцом внебрачной дочери Берлускони Барбары, которую ему в Швейцарии родила его пассия, актриса Вероника Ларио. Когда Берлускони развелся с первой женой и женился на Ларио, ведущим на его свадьбе был Паоло Пилитери, муж сестры Кракси, который долгое время являлся мэром Милана. Свадьбу сыграли в здании городского совета Милана. Шафером Берлускони был сам Кракси, а его жена Анна стала подружкой невесты.

В 1983 году Кракси сел в кресло премьер-министра, уже будучи на ножах с коммунистами из-за того, что собирался поддержать частный бизнес и тем самым создать высокую конкуренцию государству, которое контролировало большую часть итальянской экономики.

К тому моменту у Берлускони было немало коммерческих интересов, которые сильно зависели от политики правительства, например от законов о телевидении. Когда настало время защищать и продвигать эти интересы, его дружба с Кракси оказала решающее действие.

Берлускони нужна была помощь. За ним тянулась дурная слава человека, который завез в Италию низкосортные американские комедии и мыльные оперы, за что над ним посмеивалась итальянская интеллигенция. Против него также было настроено немало политиков и общественных деятелей. Государственная вещательная компания и конкурирующие с Берлускони издательства опасались, что его телеканалы отнимут у них слишком много рекламных денег. Однако, что хуже всего, его враги постоянно твердили, что Берлускони развернул свою национальную телесеть незаконно и что право на это имел только государственный монополист *RAI*.

“*RAI* и итальянские политики были сильно возмущены, – вспоминает Берлускони. – Помню, в начале 1980-х у меня состоялся крайне неприятный телефонный разговор с главой *RAI* Вилли де Лукой. Он был в ярости, поскольку мы вторглись на рынок и отняли у *RAI* зрителей. Он говорил, что я сошел с ума, что политики меня раздавят. Он даже угрожал мне: «Со дня на день к вам придут из налоговой». Помню, что после того звонка у меня дрожали колени”.

В Италии следственные судьи и сотрудники прокуратуры нередко объединяли свои силы против политического врага или неудобного им человека. В октябре 1984 года в Риме, Турине и Пескаре в течение трех дней вышли судебные приказы о приостановке вещания трех каналов Берлускони. В качестве причины закрытия каналов называлась незаконность ведения телевидения на всю страну. Это было спланированное нападение, которое едва не привело к краху телеимперии Берлускони. Он очень хорошо помнит те события.

“Так в 1984 году началась долгая война, жестокая и беспощадная, – рассказывает Берлускони с негодованием. – Развязали ее судебные органы, которые приказали арестовать наши телепередатчики. Они нас закрыли из-за жалобы *RAI*. В ней заявлялось, что наши каналы нарушают Конституцию, согласно которой только общественные телеканалы имеют право на национальное телевидение”.

Последовало длительное правовое и политическое противостояние между Берлускони и компанией *RAI*, которую поддерживали опытные вожди Христианско-демократической партии и Коммунистической партии Италии. В схватку был немедленно втянут премьер-министр Кракси, социалист, который сотрудничал с христианскими демократами, чтобы удержать свое коалиционное правительство от развала. Берлускони попросил его о помощи, и он ее получил. Через четыре дня после закрытия каналов Кракси подписал экстренный указ о возобновлении трансляции. Закон породил множество споров и быстро стал известен как “Закон Берлускони”.

Возможно, самым удивительным эпизодом той осенней войны стало не само закрытие каналов, а последовавшие за этим массовые народные протесты. Берлускони задел итальянцев за живое. Его каналы дарили мечту о богатстве и красивой, лучшей жизни, его передачи нравились миллионам людей, особенно матерям и детям. Стоило это отнять, и нация встала на дыбы. Было достаточно уже того, что с экранов пропал любимый многими детьми мультфильм “Смурфы”. Исчезли “Даллас”, “Династия” и “Колесо Фортуны”. Италия была в смятении. Сервисов *Facebook* и *Twitter* тогда не существовало, поэтому народный гнев выражался через звонки – телефонные линии газет не выдерживали тысяч звонков. Все увидели истинную мощь телеимперии Берлускони, когда он приказал своим каналам разместить на экране телефонные номера офисов следственных судей в Турине, Риме и Пескаре, номер головного офиса *RAI* в Риме и даже номер приемной премьер-министра. Зрители обрушили шквал звонков на все эти номера. Преданная аудитория Берлускони была в гневе и бунтовала

по всей стране. Он понял, чего хотят массы. Он дал им хлеба и зрелищ. И они хотели еще. Они хотели получить свою ежедневную дозу.

“Когда нас закрыли, мы были на краю пропасти, – рассказывает Берлускони. – И тогда возмутилась общественность. Протестовали даже дети. Они выходили на улицу с плакатами «Верните нам “Смурфов!”». Мы пришли в дома миллионов итальянцев, стали частью их семейной жизни. На государственных телеканалах программы выходили в эфир только по вечерам, а мы показывали передачи и ранним утром, и в обед, и поздним вечером. Так мы сильно поменяли привычки многих итальянцев, особенно домохозяек, которые впервые получили шанс смотреть телевизор утром и днем, что было очень удобно. Однако нашими главными защитниками стали бизнес-ассоциации и компании, которые рекламировали свои товары и услуги на наших каналах. Они давили на политиков и Кракси и требовали отменить запрет, утверждая, что без рекламы на коммерческом телевидении снизятся их продажи и объемы производства. Пожалуй, это был самый сильный аргумент в нашу пользу”.

Вмешался Кракси. Однако его крайне спорный указ о восстановлении вещания каналов Берлускони был признан противоречащим Конституции и в ноябре 1984 года провалился на слушаниях в парламенте. Кракси не сдавался. Он издал второй “Закон Берлускони”, который был утвержден в феврале 1985 года. Однако срок действия этого закона истек в конце года, и в июне 1985 года Кракси пришлось выпустить третий “Закон Берлускони”. Он был одобрен парламентом, но с условием, что впоследствии будет разработана полновесная нормативная база, регулирующая сферу телевидения и рекламы. На это ушло еще пять лет. В 1990 году правительство издало соответствующие законы, однако и они оказались довольно противоречивыми. В знак протеста против принятия данных законов пять министров правительства подали в отставку. Среди них был министр образования Серджо Маттарелла, нынешний президент Италии. Все депутаты левого крыла правящей Христианско-демократической партии, которую возглавлял премьер-министр Джулио Андреотти, демонстративно покинули правительство, поскольку были возмущены легализацией частной телеимперии Берлускони. К 1990 году Кракси сложил полномочия премьер-министра, однако оставался влиятельным лидером Социалистической партии. Он стойко защищал своего друга.

Нет никаких сомнений, что Кракси сыграл решающую роль в спасении и легализации телеимперии Берлускони. У дружбы есть свои плюсы!

“Да, я бы сказал, что наша дружба с Кракси действительно сильно повлияла на его решение, – говорит Берлускони, – но при этом я подробно ему разъяснил, почему коммерческое телевидение важно для экономики и почему политикам нечего бояться. Ведь частным каналам даже нельзя было новости показывать. Я безусловно благодарен Кракси за помощь, но хочу отметить, что его поддержало немало соратников по коалиции”.

Не все поверили, что Кракси подписал череду спорных законов, потому что дружил с Берлускони или потому что поддерживал инновации и частный бизнес. Берлускони подозревали в подкупе Кракси, в том, что он якобы переводил свои деньги на его офшорные банковские счета. Итальянские судьи провели расследования и обвинили Берлускони в том, что со счетов его компаний на офшорные счета Кракси были переведены суммы, эквивалентные 11 миллионам евро. Помимо этого, Берлускони и Кракси были признаны виновными в незаконном финансировании политических партий, однако приговор был отменен за истечением срока давности дела. Берлускони неустанно все отрицал и называл все обвинения выдумкой судей, поддерживающих левые партии.

Говоря о взятках, Берлускони хмурится.

“Ни с одним политиком я никогда не вступал в такого рода отношения”, – заявляет он серьезно.

Затем он руками чертит в воздухе большую полусферу, изображая необъятное количество обвинений в коррупции, выдвинутых против его друга Кракси. Бывший премьер был заочно осужден и умер в изгнании в своем доме в Тунисе.

“Про Кракси могу только одно добавить... Его ведь обвиняли в том, что на посту премьера он сколотил себе состояние, но после смерти Кракси его жена и семья нищенствовали. Его жена осталась совершенно без денег, с двумя ипотеками – за дом в Тунисе и за квартиру в Милане. И поверьте, я об этом знаю не понаслышке, потому что...” – Берлускони на мгновение замолкает, как будто решая, что дальше сказать. Он переводит взгляд на ковер, на микросекунду прикрывает глаза, и его лицо освещается благочестием, являя миру Берлускони-священника.

“Скажем так, – добавляет он очень тихо. – Кое-то вмешался и помог семье Кракси удержаться на плаву, больше им неоткуда было взять денег”.

Берлускони не теряет самообладания и смотрит куда-то вдаль, в одну точку.

“Однажды Кракси пожаловался мне, что ему очень трудно найти финансирование для партии. Я сказал, что всегда готов помочь, если нужно. Он застыл, посмотрел мне в глаза и сказал: «Ты мой друг. Больше никогда мне такого не предлагай, иначе нашей дружбе конец». Это был настоящий Беттино Кракси. По-настоящему оскорбленный Беттино Кракси. Конечно, как он и сам говорил в парламенте, его Социалистической партии нужны были деньги. Так же как христианским демократам. Так же как любой другой партии. Всем приходилось конкурировать с сильной Коммунистической партией, которую финансировала Москва. Когда были обнародованы документы КГБ, то оказалось, что из тех средств, что Советский Союз тратил на поддержку европейских коммунистов, 63 % получала Италия. Остальным партиям постоянно не хватало денег, и совершенно логично, что они обращались за поддержкой к частным предпринимателям”.

В 1980-х годах итальянские политические партии нередко принимали финансовую помощь от различных лоббистов и бизнесменов. Это могли быть переводы на офшорные счета или конверты с наличностью. Через несколько лет были приняты законы, которые ужесточили контроль за методами финансирования политических партий, и по всей Италии разразились коррупционные скандалы. Половина политиков страны оказалась под следствием по подозрению в коррупции, а тотальная продажность итальянских политиков получила название “Тангентополи” (“Город взяток”). Берлускони задумался о собственной политической карьере в самый разгар скандалов вокруг “Тангентополи”, когда суды объявили войну крупнейшим политическим партиям. Однако на тот момент он был счастлив и удовлетворен тем, что имел. Он состоялся. Король недвижимости превратился в медиамагната-миллиардера. Что касается его связей с Кракси и другими политиками... Это пришло само собой, вместе с успехом.

Критики Берлускони презирали его и считали продавцом мусора, человеком, который своим коммерческим телевидением убил итальянский кинематограф, человеком, которому удалось сохранить свою медиаимперию только благодаря дружбе с премьер-министром Беттино Кракси. Сторонники Берлускони видели в нем инноватора, прекрасного организатора и гения маркетинга с превосходной интуицией и необычно сильной способностью соперничать простым людям. Он продавал амбиции и надежду на лучшую жизнь, он предлагал чистое, бесстыдное и одурманивающее веселье изголодавшимся по развлечениям итальянцам. Он продавал мечты.

Когда-то в 1980-е он сказал своему другу: “Я продаю дым”.

Берлускони с самого начала понимал, что необходимо для создания первоклассного развлекательного телевидения в Италии. Фильмы, мыльные оперы, шоу-варьете... и спорт. Он покупал права на трансляцию футбольных матчей, огромного числа футбольных матчей. Итальянцы, будучи безумными фанатами футбола, были благодарны, а руководство *RAI*

было в ярости, как никогда прежде. Берлускони постоянно уводил у них из-под носа права на матчи. Когда телеимперия Берлускони – три коммерческих национальных канала – была легализована, то он задумался о покупке футбольного клуба, и в этом не было ничего удивительного. Он видел взаимосвязь между спортом и телевидением. На примете у него был ФК “Милан” – клуб, за который он с детства болел вместе с отцом.

Берлускони не мог купить только права на трансляции.

Он остался верен себе. Он купил футбольную команду.

Глава 4

Апокалипсис сегодня

АТАКУЙ! АТАКУЙ!

Сильвио Берлускони кричит во все горло. Он стоит в углу раздевалки знаменитого футбольного клуба “Милан”, рядом с ним – главный тренер команды, который явно волнуется, весь как будто на иголках.

Уступчивый и мягкий Филиппо Индзаги – бывший футболист, а последние несколько месяцев, довольно тяжелых для него месяцев, он занимает пост тренера “Милана”. Берлускони слегка толкает его в руку.

“Скажи-ка мне, что кричит тренер со своей скамейки? – деспотично требует Сильвио Берлускони. – Давай, скажи! Я не слышу! Громче!”

В прошлом Индзаги был нападающим “Ювентуса” и “Милана”, одним из самых успешных бомбардиров всех времен. Он жил в свое удовольствие, был завсегдатаем дорогих клубов и ресторанов и пользовался популярностью у женщин. Однако сегодня он как будто сошел с картины XIX века и напоминает чахоточного больного, направляющегося в швейцарский санаторий в горах. Он весь съежился и практически дрожит под напором Берлускони.

“Атакуй!” – говорит он еле слышно. Кажется, что голос его не слушается, а недовольный Берлускони меж тем обводит взглядом игроков, сидящих на скамейках в полном изумлении.

“Трижды нет! – не унимается Берлускони. – Это лучшее, что ты можешь? Мы же на стадионе. Давай я тебе покажу, как это делается. – Он набирает воздуха в грудь, как моряк Попай, и во всю силу ревет: – АТАКУЙ!”

Прибавьте громкости.

А-ТА-КА-РЭ!

Так это звучит по-итальянски. В мелодичном вое, исходящем из глотки Берлускони, воедино сливаются рев мегафона и самая прекрасная низкая нота, какую может взять оперный певец.

Тренер “Милана” уставился в пол, а Сильвио Берлускони продолжает его изводить.

“Вот так вот! – ядовито ухмыляется он и победоносно жмет бедному Индзаги руку. – Кто лучше всех знает, как это делается? Я! Я всегда *Numero Uno!*”

Numero Uno прибыл на “Миланелло” час назад. Как и всегда, он прилетел на знаменитую тренировочную базу “Милана” на вертолете.

“Миланелло” находится примерно в 50 километрах от Милана, в сельском районе Ломбардии, густо покрытом зеленью. Берлускони сделал успешную политическую карьеру со своей партией “Вперед, Италия!”, что звучит как футбольная кричалка. Неудивительно, что еженедельные встречи с любимой командой стали для него важной и неотъемлемой частью жизни. Так он поддерживал душевное равновесие и повышал самооценку.

Летать на базу на вертолете было очень в духе Берлускони.

В начале октября 2014 года еще вовсю цвели кусты. В ту пятницу дул теплый ветерок, который раскачивал макушки деревьев. Ветви начали колыхаться и шуметь еще сильнее, когда после обеда над базой показался 12-местный вертолет Берлускони *AgustaWestland* с эмблемой компании *Mediaset* на хвосте.

Вертолет приземляется на бывшую баскетбольную площадку. Адриано Галлиани, вице-президент клуба, ловко выскакивает из роскошного белого 16-местного микроавтобуса *Volkswagen* с тонированными стеклами, который припаркован у самого вертолета, но так,

чтобы до него не доставал все еще крутящийся винт. Следом за Галлиани появляется тренер клуба Индзаги, явно на нервах. Когда из вертолета выходит Берлускони с телохранителями, мужчины спешат поприветствовать босса.

Как и всегда, Берлускони, его люди, вице-президент и тренер садятся в микроавтобус и через несколько минут оказываются в главном здании базы. Берлускони неторопливо входит на кухню, улыбается и жмет руки персоналу, непринужденно со всеми беседуя. Пока Берлускони в уборной, Индзаги и Галлиани усаживаются за небольшой стол, покрытый белой скатертью. Стол сервирован просто: бутылки с оливковым маслом и бальзамическим уксусом, соль и перец, две серебряные корзины с булочками и гриссини, а также минеральная вода, газированная и обычная.

Когда Берлускони возвращается, все немедленно принимаются за прошутто с дыней, Галлиани же выбирает прошутто с инжиром. Следующее блюдо в меню – нежное ризотто с шафраном, от которого Берлускони просто не может отказаться, хотя и рассказывает всем, что ризотто не входит в его диету.

Индзаги сидит во главе небольшого стола, робко вертит закуски в руках, потягивает минеральную воду и не спускает глаз с Берлускони. Галлиани ест с удовольствием и справляется с обедом за минуты. Обычно он приветлив и много шутит, однако периодически позволяет себе колкости о “высокомерии” “Ювентуса”. Неудивительно, что это одна из излюбленных тем Галлиани, ведь он сделал из “Милана” клуб с мировым именем, а команде все равно приходилось жить в тени “Ювентуса”. Иными словами, когда заходит речь о “Ювентусе” Джанни Аньелли, члены “Милана” испытывают комплекс неполноценности.

Берлускони чувствует себя как рыба в воде. Едва закончив ризотто, он начинает сверлить тренера взглядом и забрасывать его вопросами. Он говорит Индзаги, что посмотрел последнюю игру, внимательно изучил действия игроков и хочет обсудить игровую схему, стартовый состав и список запасных игроков для матча, который состоится на следующий день. Он также хочет, чтобы Индзаги продумал более агрессивную тактику нападения.

Берлускони задает Индзаги первый вопрос.

– Кого бы нам выпустить в начале игры?

– Я думал о Мунтари, нам нужна его сила, – отвечает Индзаги.

– А почему не Поли? – мгновенно наносит ответный удар Берлускони.

Индзаги прекрасно понимает, что сидит за тем самым столом, который был свидетелем множества подобных бесед между Берлускони, Галлиани и тренером “Милана”. Здесь обсуждались предстоящая игра, тактика игры для полузащитников, защитников и нападающих, здоровье отдельных футболистов, план игры. В этой самой комнате Берлускони определял расстановку игроков с Сакки, Капелло и Анчелотти. Эти легендарные тренеры выиграли с “Миланом” не менее 26 международных кубков. Одним словом, Индзаги очень осторожно подбирает слова.

Тренер не согласен с президентом клуба:

“Поли хороший игрок, но он не продержится 90 минут. Я бы не ставил его в самом начале”.

Берлускони моментально меняет тему. Он спрашивает о здоровье Маттия де Шильо, а затем спрашивает:

“А каких полузащитников мы завтра поставим? Начнем с де Йонга?”

Кажется, что Индзаги эта идея не особо нравится, но он кивает головой в знак согласия и бормочет что-то о важности де Йонга для команды. Галлиани видит, что тренер попал в затруднительное положение, и отпускает пару шуток о его любовных похождениях. Он также заявляет, что у дамского угодника Индзаги нет иных пороков, кроме слабости к красивым женщинам. Тренер смущенно улыбается, и кажется, что напряжение спало. Однако

всем очевидно, что сейчас произошло. Берлускони совершенно не церемонится с тренером: он не просто предложил стартовый состав команды, он открыто настоял на своем решении.

“Берлускони нравится быть главным”, – так однажды выразился его старый друг Конфалоньери.

Благодаря шуткам Галлиани тучи рассеиваются, разговор возвращается в мирное русло. После обеда все идут в раздевалки и спортзал, чтобы пообщаться с командой и персоналом.

Берлускони, Галлиани и Индзаги медленно идут по траве, пересекая одно из семи футбольных полей огромного комплекса “Миланелло”. За полем виднеется несколько бежевых зданий, в которых расположены клубная раздевалка с индивидуальными шкафчиками игроков, кабинет физиотерапевта, большой тренажерный зал и бассейн.

Внутри раздевалки их ждет вся команда. Игроки сидят на железных раскладных стульях, к дверям шкафчиков прикреплены белые бумажки с эмблемой клуба, на которых одинаковым черным шрифтом напечатаны имена игроков. Сверху на шкафчиках лежат черные спортивные сумки с белыми логотипами спонсоров – *Adidas* и *Emirates*. В комнату важно заходит Берлускони, и все футболисты встают. Президент клуба лично приветствует каждого игрока.

“А вот и мы! Как дела? Все хорошо?” – спрашивает Берлускони у нападающего “Милана” Эль-Шаарави, который явно этого не ожидал.

“Вам стало лучше? – интересуется он у французского форварда Жереми Менеза. – Газеты писали, что вы не очень хорошо себя чувствуете”.

“Как ваша жена? – вопрос предназначен центральному нападающему Фернандо Торресу. – Как дети? А новый дом? Обживаетесь? Все хорошо? Отлично”.

“Кстати, еще раз с днем рождения!” – поздравляет он Кристиана Сапату, колумбийского защитника, который обычно играет в центре.

“Вы полностью поправились? – спрашивает он бразильского защитника Алекса. – Возвращаетесь на поле на этой неделе, да?”

Алекс утвердительно кивает: да, он в порядке и будет играть.

Пришло время полководцу вдохновить свои войска. Вместе с Индзаги Берлускони встает у дальней стены раздевалки и принимает несколько менторскую позу.

“Я наблюдал за вами два последних матча, – начинает Берлускони. – Вам удалось показать слаженную игру, следить за матчами было интересно, вы выглядели достойно, как великая команда. У вас неплохо получались угловые. Я бы хотел напомнить, что вы должны все быть в штрафной, когда мяч в воздухе, чтобы защитники соперника инстинктивно закрывали вас на передней линии, а не следили за мячом, за всем сразу им же не уследить. С такой тактикой я получал немало пенальти, но просто нужно хорошо все сделать. И еще хочу напомнить, что за 15–20 минут до конца матча вы должны постоянно держать мяч у себя. Не забываете об этом!”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.